

ПРОГУЛКИ ПО КРАЮ ПРОПАСТИ

р о м а н

Самое первое дело
Варвары Кононовой. Юная
практикантка расследует
бесчеловечное убийство на
черноморском побережье.



АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Агент секретной службы

Анна и Сергей Литвиновы
Прогулки по краю пропасти

«ЭКСМО»

2003

Литвиновы А.

Прогулки по краю пропасти / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2003 — (Агент секретной службы)

Лето, лазурное море, жаркое солнце, горячие пляжи... Но Александру Смеяну и Варваре Кононовой – совсем не до отдыха. У Сани зверски убита невеста, отдыхавшая «дикарем» в бухточке Соленая Падь. Погибла и вся ее семья... А Варю прислала из Москвы одна частная фирма для того, чтобы собрать – непонятно зачем! – «дополнительный материал» об этом преступлении. Варя и Саня объединяются ради того, чтобы вместе отыскать убийцу или убийц... И тут вокруг них начинают происходить странные события. На Варю совершено покушение... Кто-то похищает из морга тела жертв... Однако Варя с Саней не отступаются от расследования – хотя временами им кажется: происшедшее преступление настолько дикое и загадочное, что его, возможно, совершил не человек...

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Анна и Сергей Литвиновы

Прогулка по краю пропасти

Пролог

Черноморское побережье. Суббота, вечер

Если бы Саня знал, какой ужас ожидает его в конце пути, он бы так не торопился.

Он бы – совсем не торопился. Он вообще, пожалуй, остался бы дома, в родной Твери.

Но Саня-то думал, что в конце пути его ждут ласковое море, палящее солнце, дешевое вино, бездумное веселье. И – Динка. Тело у Динки – одновременно и жаркое, и прохладное, и ласковое, и пьянящее. Как солнце, море и вино, вместе взятые.

Динка вместе с сестрой и родителями уехала на юг на неделю раньше его. Саню в Твери задержали дела. Когда ты хозяин одновременно двух магазинов, непросто разгрести текучку и вырваться в отпуск. Динка трижды за эту неделю звонила ему с юга. Говорила, что любит его и по нему скучает. Кричала в трубку мобилы: «Я видела дельфинов!.. Ходила на экскурсию на раскопки!.. Классно загорела!..»

Динка подробно рассказала Сане, где они остановились. Итак, проезжаешь насквозь весь курортный поселок Абрикосово. Затем за поселком поднимаешься по крутой проселочной дороге в гору. Потом едешь-едешь по этой проселочной дороге прочь от цивилизации, мимо заброшенных виноградников. Последний поворот, и дальше – пути нет. Начинается сосновый лес над самым берегом моря. И в этом сосновом лесу стоит их с родителями машина и большая палатка. Они пока здесь одни, совсем одни, никаких прочих приезжих туристов не имеется.

«Я привезу свою палатку», – сказал ей тогда по телефону Саня. «Прие-езжай, – ласково пропела в трубку Динка, – я буду в нее к тебе приходи-ить».

Ради этого сексуального голоса с придыханием, ради сводящего с ума Динкиного тела и неся теперь Саня через всю Россию – с севера на юг.

Выехал в пятницу сразу после работы. До вечера успел проскочить по подмосковному кольцу ненавистную столицу. Доехал, пока не стемнело, аж до самого Ельца. В июле дни еще длинные, сумерки все тянутся, тянутся – и никак не погаснут. Саня мчался на предельной скорости, какую только могла развить его малиновая «девятка»: сто сорок, а то и сто шестьдесят. Гаишников с радарам по ночам не бывает, а несчастных случаев Санек не боялся. Кому суждено быть повешенным, того «КамАЗ» не раздавит.

Где-то уже под Воронежем Саня почувствовал: все, засыпаю, надо передохнуть.

Федеральная трасса М4 обходила город стороной. На объездной дороге он загнал машину по удачно подвернувшемуся проселку в сосновый бор. Положил рядом с собой монтировку, закрыл все окна, заблокировал двери. Откинул сиденье. Тут же отрубился.

Спал плохо. Все казалось, что вокруг «девятки» кто-то ходит. Утром проснулся с дурным предчувствием. Что-то, показалось ему, должно произойти сегодня плохое. Что-то неприятное.

Скоро собиралось встать солнце. Уже совсем рассвело, и птицы пели как бешеные. Окна «девятки» запотели от веселой росы. Дурное предчувствие уменьшилось. Санек выпил из термоса до сих пор еще горячий, ядреный кофе. Вылез из машины. В низинках стоял туман. Саня отер от росы стекла машины. Сел за руль, запустил движок, вырулил на основную трассу М4 – автодорогу федерального значения «Дон». Ожидание чего-то ужасного, с которым он проснулся, исчезло полностью – словно и не было его.

И Саня погнал. Шел на пределе. Лихо обгонял по встречной полосе фуры, «КамАЗы» и другие тарантайки. Солнце встало, потом начало припекать – совсем не так, как у них в средней полосе, – крепко припекать, по-южному. В машине надрывался магнитофон: кричали две девчухи из группы «Тату»: «Нас не догонят, нас не догонят!»

Музыка помогала держать бешеную скорость. Единым духом Саня просвистал еще километров триста. Потом почувствовал: харе, надо передохнуть, поесть.

А тут и куча кафе вдоль обочины. Фуры стоят, дальнотойщики подкрепляются. Санек остановился. Походил вдоль дороги, размял ноги. Выбрал из череды разных кафе самое чистенькое – и в нем самую симпатичную хозяйку. Заказал яичницу с ветчиной из четырех яиц, помидоры, пирожное и двойной кофе. Юная хозяйка сама принесла ему на стол еду, с грустной завистью спросила:

– А вы на юг едете, да?

– Еду, – кивнул он. И предложил (без особого, правда, энтузиазма): – Погнали со мной.

– Не могу, – грустно ответила официантка (будто он не в шутку, а всерьез ее позвал). – Сейчас самый сезон. Работа.

Санек на прощанье залил опустевший термос крепким кофейком. А в бак «девяточек» собственноручно вылил две канистры бензина, припасенные на заправке под Москвой. И снова поехал. Теперь – уже не спеша.

В сон после завтрака потянуло капитально. Солнце палило, как зверь, пришлось все окна открыть. От езды, от постоянного мелькания ярких пейзажей, от утренней хорошенькой официантки, а пуще – от приближения моря (и вместе с морем Динки) настроение было самым радостным. И ночные предчувствия забылись совсем.

А весь день слился в одно ощущение: *предвкушения, движения, усталости, радости.*

На объездной трассе вокруг Ростова Саню оштрафовал на тридцатник за превышение скорости веселый гаишник.

На бензоколонке в донских плавнях он пообедал в магазинчике с кондиционером – съел два мороженных.

В станице Куцевская, на рыбном рынке, купил великолепного, жирного, просвечивающего на солнце рыбка. Если ему повезет, вечером он приобретет в этом самом приморском Абрикосове ледяного пивка. И ночью они с Динкой устроят на берегу Черного моря пир на весь мир.

Все ближе становилось море, все безжалостнее палило солнце.

Под Краснодаром дорога стала тенистой – обсаженной пообочь тополями, крашенными снизу в белый цвет.

Вдоль дороги тут и там стояли мальчишки, заманивали проезжих рукописными плакатами на картоне: ЖИВЫЕ РАКИ. Было искушение остановиться, купить – да Саня сдержал его. Ехать до Абрикосова еще километров триста – пожалуй, заснут по жаре ракообразные. Или по машине расползутся.

Взамен Саня на окраине станицы с чудным названием Пластуновская приобрел полтора литра теплой минералки и абрикосов (или, как их здесь называли, «жерделей») по смешной цене пять рублей за кило.

И дальше ехал, попивал воду, закусывал *жерделями*, косточки в окно бросал, навстречу упругому ветру.

Вскоре приемник стал ловить УКВ-станции из Краснодара.

Саня поехал тише, строго соблюдая скоростной режим – водилы всей страны знают, что кубанские да адыгейские гаишники самые злобные на свете. И Саня аккуратно держал девяносто километров, сплошную разметку не пересекал, в городках и поселках снижал скорость до шестидесяти.

В FM-эфире резвились местные ди-джеи: «Девятнадцать часов местное время, вас приветствует южная столица России...»

«Ого, – весело подумал Санек. – Столиц-то сколько в стране развелось! Москва – просто столица. Питер – северная. А Краснодар теперь, выходит, – южная!.. Значит, моя Тверь – она какая столица? Центрально-черноземная? Афанасий-Никитинская?»

Вскоре кубанские ди-джеи завяли, потонули в хрипе атмосферного электричества. Саня вновь врубил «Тату»: «Мальчик – гей, мальчик – гей, положи на друзей!..» Под аккомпанемент двух малолетних шалашовок удивительно весело рулилось.

Дорога широкими кольцами незаметно полезла на перевал. Саня радовался, что «девятка» без натуги взбирается в гору на четвертой передаче. Лишь в конце «тягунов» движок задышался – приходилось переходить на третью.

Вскоре перевалы кончились, начался серпантин между гор. А затем он уперся в пост ГИБДД и многообещающую развилку: налево – Сочи, направо – Суджук.

Саня повернул направо, по направлению к Суджуку. Гаишник скуучающе проводил глазами его «туды-сюды», то есть шестьдесят девятый, региональный номер.

На Саньку наконец навалилась усталость. Ни кофе не помогал (он залил термос в кафе, между Воронежем и Ростовом), ни ветер в окно. Глаза слезились. Шутка ли: за сутки с небольшим Саня полторы тыщи километров отмахал.

В воздухе запахло свежестью: солнце покатилося на убыль, скоро начнет смеркаться. Саня врубил габариты и ближний свет. Еще одно, последнее усилие. Пятьдесят километров как-нибудь дотянет.

...Путь на «дикую стоянку» он отыскал на удивление безошибочно. После курортного поселка вполз по каменистой дороге в крутую гору. Насекомые в огромном количестве толклись в свете фар.

На горе имелась обширная площадка. Грунтовая дорога шла дальше. Слева виднелся прозрачный хвойный лес, справа – виноградники. Саня выключил мотор и вышел из авто отлить.

Удивительная красота простиралась вокруг него. По Черному морю пробежал серебристый пограничный прожектор. Выхватывал из постепенно сгущавшихся сумерек рябистую гладь и, ближе к берегу, головы купальщиков. По бухте прогулочный трудяга-катерок волок изрядную порцию отдыхающих.

С катерка доносилась разухабистая музыка. Она мешалась с десятками мелодий, летящих из многочисленных пищевых точек на берегу.

Поселок Абрикосово, расположенный в бухте, *отдыхал* вовсю. Дымил в десятки дымов от мангалов, гулял в тысячи курортников. Предвкушал ночные приключения.

Шашлычные дымы смешивались в один большой, стелющийся по-над бухтой дым – словно бы горела Помпея. Волнующий запах шашлыка достигал даже горы и Саниных ноздрей. С пляжа – до сих пор усеянного отдыхающими – доносился сдержанный гул человеческого муравейника. Долетали отдельные взвизги штурмующих ночное море купальщиков.

А здесь, на горе, неумолчно стрекотали цикады. По странным направлениям летали три-четыре светляка. Нагретый за день камень отдавал снизу вверх свое тепло.

Саня посмотрел вверх. В небе выступали первые звезды. Их здесь было гораздо больше, чем у них в средней полосе, и выглядели они куда крупнее. Отчетливо расплескался на полнеба Млечный Путь. В разные стороны летели сразу три спутника.

Вдруг что-то большое загородило небо, звезды. Прошумело большими крыльями. Не успело даже напугать Саню – и тут же исчезло.

«Наверно, сова, – решил он. – Или летучая мышь».

«Еще пару-тройку километров – и я на месте, – подумал он, засупонившись. Допил ставшую чуть не горячей минералку. – А там обнять Динку и сразу бегом в море. В прохлад-

ное, темное Черное море. Смыть дорожную пыль и семь дневных потов. А потом – будущая тещенька, надеюсь, спроворит жареного мясца. Плюс – ледяное пиво. И жирная рыбка из станицы Кущевская. А ночью ко мне в палатку прибежит, прыскачит Динка... И – целый отпуск впереди».

Саня поймал себя на мысли, что оттягивает сладостный момент встречи.

Оказалось, в предощущении счастья, возможно, заключается даже больше радости, чем, собственно, в самом счастье. Он не стал думать на эту тему, разводить философию. Сел за руль, завел машину и покатыл по проселочной дороге мимо виноградников.

В фарах бились, погибая, насекомые. Вот и последний поворот. Дорога круто уходила вниз, к морю. Пообочь нее стояли сосны. Где-то здесь должна быть палатка с будущей его семьей: Динкой и ее сестрой. А также с тещей и тестем.

Саня не спеша покатыл на первой передаче вниз.

Ни голосов не доносилось из лесу, ни музыки, ни огонька. Только непрерывный треск цикад в открытое окно. Неужели он ошибся и приехал не туда?

Грунтовая дорога сделала крутой поворот. За поворотом вдруг в свете фар мелькнуло *ничто*.

Нечто лежало поперек дороги, преграждая путь.

Саня даванул на тормоз. Лоб его вдруг покрыла испарина.

Темный предмет лежал поперек дороги. Он не шевелился. Он напоминал очертаниями человеческое тело.

Но он не был человеком.

Фары машины осветили предмет. К горлу Сани вдруг подкатила дурнота.

Не осознавая, что делает, он заглушил мотор, поставил авто на передачу. Фары гасить не стал. На автопилоте вышел из машины.

«Эй!» – выкрикнул робко. Голос прозвучал в ночной тишине сипло, сдавленно. Саня сам не узнал свой голос.

И тут, когда Саня выпрямился во весь рост рядом с «девяткой», до него вдруг дошло очевидное. То, что он понял еще минуту назад – но что его мозг отказывался воспринимать.

На дороге лежало что-то похожее на человека, но *не человек*.

Там лежала *половина* человека.

Одетая в ситцевый халатик с веселым рисуночком погибшая при жизни была женщиной.

Кто-то искалечил ее тело чудовищно, неистово.

Головы нет – на ее месте сочащаяся кровавая рана. По всему телу – несколько огромных кровавых полос. Рука, вся в крови, завернута неестественным образом. Ног тоже нет – на их месте окровавленные обрубки. И – черная огромная лужа крови растекается вокруг тела.

Зрелище оказалось настолько жутким и тошнотворным, что Саня, прошедший десант и спецназ, не выдержал и против воли своей закричал.

Крик отразили только высокие сосны и далекое море.

Прошло полтора суток. Понедельник, утро. Москва

Варвара Кононова

По дороге на службу, в автобусе, к Варе пристал старикан. Ну, не совсем, конечно, дед, а так, лет за пятьдесят. Сел напротив, всю дорогу глазел, а когда Варя поднялась выходить – вдруг как выдаст стихами:

– *Коса ваша меня покоряет, и взор ваш – так возбуждает! А вид ваш, серьезный и строгий, мне школу напоми-нает!*

Пассажиры дружно захихикали. Варя буркнула в рифму:

– Размер у тебя хромает...

Ну и старики пошли: ему о вечном думать пора, а он стишата клепают. Причем в понедельник. С утра пораньше.

Впрочем, Варе не привыкать. За учительницу ее принимали часто.

Или, того хуже, – за повариху, а то и за продавщицу яблок. Все потому, что выглядела она словно сестрица Аленушка – настоящая русская красавица: коса, румяные щеки, брови вразлет, глаза голубые... Косметикой Варя не пользовалась. Румянец вылезал сам, а брови были чернющими от рождения.

С другой стороны, все в ней, словно у русских красавиц на полотнах Кустодиева, было чрезмерно, слегка через край. Брови – густые (их она, согласно последней моде, не прореживала). Щеки и губы – большие, полные. Рост – почти метр восемьдесят. Широкие плечи, большие руки. Весу лишнего – килограммов пять, а то и семь. Размер бюста – извините, восемьдесят пять Д. Словом, Варвара сама себе одновременно и нравилась, и не нравилась.

А вид ее до чрезвычайности возбуждал кавказцев, а также представителей южных наций вроде испанцев и итальянцев. Прямо проходу не давали – особенно сейчас, летом, когда Варя носила просторные, открытые платья и сарафаны. Русские мужики (по большей части хиленькие) ее глазами пожирали, но приставать, как правило, опасались. Хотя безбашенные бритые парни, бывало, клеились. А теперь вот – и старики обнаглели...

Клейщиков Варя ласково (а иногда и сердито) посылала. Последствий не боялась – постоять за себя она сумеет.

Но никому из уличных донжуанов и в голову прийти не могло, что «чернобровая училка» – на самом деле победитель многих компьютерных олимпиад, выпускница факультета ВМК¹ МГУ, дипломированный программист, ну и отчасти хакер.

...Варя явилась на службу, как и указано в контракте: ровно к девяти. Приходы-уходы ее никто не проверял. Опаздывать она сама не любила: расхолаживает.

За выходные маленький офис покрылся тонкой пеленой пыли. Варя немедленно позволила уборщице:

– Доброе утро, я уже здесь, зайдите, пожалуйста, ладно?

Одним из пунктов ее контракта значилось: *«Исполнитель (то бишь она, Варя) обязан: никому не передавать ключи от офиса, а также не допускать в него посторонних лиц»*. Устно они договорились с Сергеем Александровичем, что уборщица посторонней не считается – не самой же Варе пыль вытирать! Она ведь программист, а не поломойка.

Варя не осуждала начальников за шпиономанский пункт контракта. Меблишка в офисе была дрянная, казенная. Факс – старинный, ксерокс – дышал на ладан. Зато компьютер, за которым работала Варя, стоил немало. Комп был самоновейший, «пентиум» с тактовой частотой две тысячи сто мегагерц. А уж хранившиеся в компьютере базы данных – это особая песня.

Сюда, во-первых, поступала – в режиме реального времени – информация из открытых источников: с лент ИТАР-ТАСС, Интерфакса, Рейтера, ЮПИ, плюс перехваты крупнейших мировых радио – и телевещателей, от токийской Эн-эй-кей до сиэтлской Си-эн-эн...

А главное богатство – ежедневные оперативные сводки от областных УФСБ и УМВД. Итоговая сводка ФСБ и МВД за сутки. Ежедневные рапорты из всех военных округов, флотов и военных соединений. Ежедневные доклады СВР, ГРУ, ФАПСИ, УОП, КВ...² Для допуска к этим сведениям Варю регулярно снабжали специальными паролями.

¹ Факультет высшей математики и кибернетики.

² УФСБ – Управление Федеральной службы безопасности; УМВД – Управление Министерства внутренних дел; СВР – Служба внешней разведки, ГРУ – Главное разведывательное управление Генштаба Министерства обороны; ФАПСИ – Федеральное агентство правительственной связи и информации; УОП – Управление охраны президента; КВ – Космические войска.

Иногда Варя попадались дела *ОВ* (особой важности). На них, увы, имелись только ссылки. А чтобы прочесть – имевшихся паролей не хватало. Но любопытно ведь...

«Шеф меня не осудит», – предположила Варя и за два месяца написала программу-дешифровщик. Проверила, убедилась, что все работает, – но пока своим ноу-хау не пользовалась. Берегла для особых случаев.

Правда, похвалиться своим хакерским достижением Варя никому не могла. Очередной пункт в ее контракте гласил: *«Исполнитель обязуется не разглашать характера выполняемой работы, а также тех сведений, доступ к которым он имеет»*.

...Фирмочка, где служила Кононова, называлась безлико: ОАО «Ритм». Числились в ней трое: сама Варя (программист), директор и бухгалтер. Бухгалтера она и в глаза не видела. Директор сидел в другом месте. Связь с ним она держала по телефону и электронной почте. Так что работала Варвара в полном одиночестве. Каждый день, к девяти, приходила в свой офис – скромную комнатуху, снимаемую в огромном НИИ. Отпирала с виду обычную, крашенную зеленой краской дверь. (На самом деле дверь была бронированной, а замок реагировал только на отпечаток ее пальца.)

Варя ставила кофе, включала компьютер... и приступала к работе. До шести, как было указано в контракте. А чаще – до семи-восьми, и по выходным приходила, если удавалось выкопать что-нибудь интересное.

Подруги не понимали:

– Как тебе не скучно! Целый день паяться в ящик, одной, без сослуживцев, без компании!

Но Варя полюбила свою работу. Во-первых, она не одна, а в компании с компьютером. И с сетью. Дьявольская разница!

Да и начальник ей понравился.

Вариного шефа звали Сергеем Александровичем. Он нашел ее в университете. Подошел после конференции по компьютерной безопасности, где Кононова выступила с блестящим докладом. Без предисловий сказал:

– Хочу предложить вам работу.

Варя ухмыльнулась:

– А вы что, из «Майкрософта»?

К пятому курсу талантливую студентку только в «Майкрософт» и не позвали.

– Нет, не из «Майкрософта», – спокойно ответил незнакомец. – Лучше.

Обычно Варя не позволяла себе нагличать, но успех на научной конференции окрылял. Она спросила:

– И много денег предложите?

– Деньги – разумные, – ушел он от ответа. – Зато работа – интересная. Очень интересная. Как нигде.

– Ну а что за характер работы?

– Характер... я вам объясню позже, – сказал Сергей Александрович.

«Что-то вы рано командовать начали! Я на вас еще не работаю», – подумала Варя. Но почему-то – промолчала.

...На факультете все поразились, когда Кононова отклонила с пяток предложений от западных компаний и пошла на службу в никому не известный «Ритм». Научный руководитель диплома предупредил:

– Смотри, Варвара Игоревна, не забудь свой талант...

– Начнет гибнуть – уволюсь, – отмахнулась Варя.

– Что ты хоть делать там будешь?

– Для начала – рутину.

...Варя проводила уборщицу. Заварила себе кружку крепкого кофе и наконец включила компьютер. Продралась через кучу паролей и вызвала компьютерную программу.

Понедельник действительно нужно начинать с рутины.

В конце «предмет поиска» Варя написала: «Убийство».

Бесстрастный компьютер немедленно выдал: за истекшие выходные в России совершено девяносто шесть убийств. (И это не считая смертей при пожарах, в ДТП и в ходе боевых действий на Кавказе!) Варя привычно ужаснулась цифре – а пальцы уже, порхая над клавиатурой, выбрали опцию: «Показать весь список».

Компьютер сортировал события по названиям населенных пунктов, поэтому первым в списке Варя прочла:

*пгт АБРИКОСОВО; район – СУДЖУКСКИЙ; край – КРАСНОДАРСКИЙ.
15 июля *** года.*

*В 20.40 СМЕЯН А.П., 1972 г. р., житель гор. Твери, обнаружил в урочище Соленая Падь (4 км от пгт АБРИКОСОВО) трупы 4 человек: КАРКАЗИНОЙ ДИАНЫ ВАЛЕНТИНОВНЫ, 1976 г. р.; КАРКАЗИНОЙ НАТАЛЬИ ВАЛЕНТИНОВНЫ, 1984 г. р.; КАРКАЗИНОЙ ИЛОНЫ ДМИТРИЕВНЫ, 1949 г. р. и КАРКАЗИНА ВАЛЕНТИНА СЕРАФИМОВИЧА, 1947 г. р. (все проживают в гор. Твери по адресу: ***СКОЙ пр-т, дом 32, кв. 49). Дежурная оперативная группа прибыла на место происшествия в 21.10.*

Оперативными мероприятиями было установлено, что...

Далее текст обрывался. Обычное дело: подробности убийства четырех человек были засекречены для всех, кто не имел соответствующего допуска.

Варя набрала два пароля, которые обновлялись ежедневно. Они позволяли знакомиться с любым милицеем делом оперативным сотрудникам ФСБ.

Неожиданно на экране монитора замигала плашка:

ДАННОГО КОДА ДОПУСКА НЕДОСТАТОЧНО. ВВЕДИТЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПАРОЛЬ.

Варя, не думая ни секунды, запустила свой дешифровщик.

Запретная плашка с экрана исчезла. Комп допустил ее к делу.

В то же самое время.

Черноморское побережье. Город Суджук

Саня

Под утро понедельника Саня забылся тяжелым сном.

В четырехместном номере гостиницы «Черноморская» было безумно жарко. Трое других мужчин храпели.

Весь прошлый день его допрашивали в ГУВД районного центра – города Суджук.

Трупы Динки, ее сестры, а также тестя с тещей увезли в морг.

Саню допрашивали целый день. Кем погибшие ему приходятся? Чем по жизни занимаются? Почему они отдыхали именно здесь? Почему выбрали Суджукский район? Абрикосово? Соленую Падь?

А что он, гражданин Смеян, делал весь предыдущий день – субботу? Ах, ехал... А кто это может подтвердить? Кто видел его в пути?

Под вечер его наконец отпустили из ментовки.

Тела погибших, сказали ему мусора, можно будет опознать после того, как с ними окончат «следственные действия». Когда это произойдет, ему не сообщили.

Саня, оглушенный, опустошенный, отправился в близлежащую гостиницу. Свободных номеров не имелось – только койка в комнате на четверых. Выбирать не приходилось.

Саня оставил «девятку» на гостиничной стоянке.

До четырех утра на набережной под окнами бушевала дискотека. В номере было дико душно. Храпели соседи.

До сих пор Саня не мог осознать, что произошло. И что он потерял.

Оттого что он не видел тела Динки, ему казалось, что она просто уехала – далеко-далеко.

Когда начало светать, Саня наконец заснул. На удивление, ему снились сладкие сны.

В то же самое время. Москва

Варвара

Вскоре Варя поняла, отчего файл, описывающий преступление на окраине причерноморского поселка Абрикосово, столь тщательно засекречен.

«...С наступлением светлого времени суток (в 05 час. 40 мин. московского времени 16 июля *** года), – *прочитала она в досье*, – был произведен осмотр места преступления.

Осмотром установлено: тела пострадавших, а также отдельные фрагменты их тел оказались расположены на значительной территории – порядка 100 метров с востока на запад и 50 метров с севера на юг. Тела пострадавших были серьезно деформированы и расчленены. У тела гр-ки Карказиной Н.В. отсутствует голова и обе ноги. На туловище данного трупа (*именно так было написано в протоколе*) имеется около пяти рваных ран – их глубина составляет около 10 сантиметров и порядка 20 сантиметров в диаметре. Установить, каким предположительно предметом наносились данные повреждения, при визуальном осмотре не удалось. Голова гр-ки Карказиной Н.В. оказалась отчленена от ее тела и находилась от него на расстоянии примерно 30 метров. В затылочно-височной части головы имеются борозды длиной около 20 сантиметров и глубиной примерно 2–3 сантиметра, также нанесенные неизвестным предметом. Ноги гр-ки Карказиной Н.В. визуальным осмотром обнаружить не удалось. Серьезным повреждениям подверглись также три других трупа...»

Дальше Варвара читала протокол, с трудом преодолевая дурноту. За скупыми косноязычными строками рисовалась картина настоящей бойни. Кто-то убил, а затем чудовищно обезобразил тела четверых отдыхающих. Расчленил и разбросал их останки по лесу. На секунду перед Варей возникло фантасмагорическое виденье: море, раннее утро, полупустая палатка, дымка, сосновый лес, следок от погасшего костра...

Но – мирный лес весь залит кровью. Там и здесь валяются ошметки тел. Кровью забрызганы стволы деревьев...

«Взрыв? – подумала Варвара. – Граната? Мина? Фугас?.. Но почему в протоколе об этом не сказано ни слова?»

И она снова принялась читать казенные строки. И сразу же обнаружила ответ на свой вопрос.

«...При осмотре места преступления визуально не обнаружено следов воздействия на потерпевших взрывного устройства. По предварительному заключению судмедэксперта, смерть всех погибших наступила скорее всего в результате многочисленных ранений, несовместимых с жизнью. Ранения были нанесены, вероятно, неустановленным холодным оружием».

– Вот так... – пробормотала вслух Варвара. – И взрыва не было... Холодным оружием... Да кто же мог так чудовищно постараться? Вооруженный топором псих? Маньяк-одиночка? Обкурившиеся отморозки? Банда террористов?

Что же это было?

Варя откинулась в кресле.

Она почувствовала, что дело об убийстве в окрестностях поселка Абрикосово задело ее, захватило. Захватило с профессиональной, исследовательской точки зрения.

И еще: внутри поднималось негодование против того (кем бы он ни был!), кто совершил *такое*. Зрела холодная ярость. Ненависть к неизвестным убийцам (или убийце). И – желание, чтобы подонков нашли. И воздали им сполна, по заслугам.

Варвара решила скопировать для себя файл с протоколом осмотра места абрикосовского происшествия. Щелкнула по плашке «*Сохранить файл на диске*», однако компьютер в ответ выдал:

ДАННАЯ ИНФОРМАЦИЯ К КОПИРОВАНИЮ ЗАПРЕЩЕНА.

Варя остоленела. Может, ошибка какая-то?

Еще один щелчок мышкой. И снова:

ДАННАЯ ИНФОРМАЦИЯ К КОПИРОВАНИЮ ЗАПРЕЩЕНА.

А потом вспыхнула еще одна, новая плашка:

Пожалуйста, прекратите попытки копирования. В противном случае доступ к данным будет закрыт, действие программы остановлено, а все данные безвозвратно потеряны.

Вот это да!

Надо немедленно доложить об абрикосовском деле Сергею Александровичу.

Варя открыла «Word» и стала составлять письмо шефу.

Где-то на Черноморском побережье

– В чем дело?!

– Ммм...

– В чем дело, я спрашиваю?! – Он распалялся от собственной злобы и безнаказанности.

– Это произошло случайно.

– Случайно?! Ты говоришь: «случайно»?!

– Так точно.

– Четыре человека погибли! Началось следствие! И ты говоришь: «случайно»? Да ты понимаешь, что натворил, олух царя небесного!

– Никак нет.

– Что «никак нет»?! Что, я спрашиваю, «никак нет»?!

– Не могу знать.

– Говнюк! Придурок! Ты что, из себя дурачка строишь?!

Две зуботычины обрушились на человека – снизу правой в челюсть, а потом сразу – прямой левой в губы.

Голова его дважды дернулась, внутри ее зашумело. Во рту появился привкус крови. Однако он подумал успокоенно: «Пусть бьет. Пусть. Пусть пар свой выпускает».

Начальник ударил его еще два раза – теперь в корпус: под дых и в почки. Подчиненный согнулся в три погибели, заловил ртом воздух.

«Пусть бьет, пусть. Лишь бы насмерть не забил. И ни о чем не догадался. Главное – ни о чем не догадался».

Где-то в Москве

– Ты что, хочешь, чтобы она летела?

– Хочу. Пусть развееся.

– Молодая девчонка! Некомпетентная... И дело это – совсем не по ее специальности.

– Но если мы пошлем компетентного – они там сразу насторожатся.

– С местной властью у нее будут сложности. Не захотят они с ней разговаривать – дело-то засекречено!

– Ничего. Пусть пробивается. Посмотрим, сумеет ли...

– Тоже верно... А там сейчас хорошо. Вода в море – плюс двадцать семь.

– Ну, купаться ей будет некогда.

– А какоекрытие?

– Стандартное. Поедет от газеты «Зазеркалье», журналисткой. Гостиница заказана, машину ей выделят... да и наши, если что, подстрахуют.

– Ну и сервис! Отдыхай – не хочу!

– Ну что ж, пусть попробует... отдохнуть.

Черноморское побережье. Город Суджук

Тот же день: понедельник. 17 часов 40 минут.

Варвара

Варя не была на южном море уже тысячу лет. Даже пришлось напрягаться специально, чтобы вспомнить: когда. Оказалось, после второго курса, в студенческом лагере МГУ под Сочи. Вспомнился баскетбольный центровой, прогулки по ночному пляжу за ручку... Купания в чернушей, нагретой за день соленой воде... Неуклюжие попытки центрального завалить ее на песок...

Все это сразу всплыло в памяти, когда самолет пошел на посадку в Суджукском аэропорту. «Як-40» заходил со стороны моря, в иллюминатор была видна изумрудная изумительная вода. Потом мелькнула полоска пляжа, белый песок, грибки, кабинки для переодевания и – тела, тела, тела... Отпускники жадно ловили каждый луч уходящего на ночной покой солнца.

Варя вздохнула: оказывается, и в южном море есть кайф – а она уже подзабыла. Все вакации и отпуска последних лет она проводила не на пляжах. Отдыхала деятельно и экстремально. Сплав на катамаранах по Катунь, потом – по Большому Зеленчуку. Затем на байдарках в белые ночи по Белому морю...

И впечатления от таких путешествий ярче, чем от валяния на теплом песочке. И денег тратится куда меньше.

Она могла бы себе позволить и Кипр, и Анталию, и Сочи, и Суджук... Но душа все равно стремилась к дикой природе: своя компания, костер да гитара. Было в таком отдыхе неизъяснимое очарование.

Вот и погибшее семейство из Твери тоже решило отдохнуть романтически: сосновый бор, море, палатка... И какой ужас с ними приключился! «Н-да, – подумала Варя, – все меньше мест в стране, где можно уединиться. Слиться, так сказать, с природой. И при этом – ничем не рисковать. Остаться живым и здоровым».

Самолет довольно жестко ударился шасси о посадочную полосу. Пассажиров трянуло. Кое-кто (из числа продвинутой публики) по-европейски зааплодировал. Прочие пассажиры аплодисменты не поддержали, и они стихли.

«Як» бешено загудел пущенными на реверс моторами, поднял закрылки, принялся тормозить. Все медленнее замелькали в иллюминаторе бензовоз, автотрап, провинциальный сарайчик вокзала с надписью сверху: «СУДЖУК».

«Интересно, – подумала Варя, – успел Сергей Александрович договориться, чтобы меня встретили? Или придется добираться-устраиваться самостоятельно?»

Самолет порулил к зданию аэровокзала, и сквозь железную решетку на улице стала видна небольшая толпа встречающих.

В то же самое время. Суджук

Саня

Саня понимал, что пьян.

И не просто пьян, а пьян капитально.

Это было хорошо. Водка мешала ему думать о Динке. И о том, что ее нет.

И больше – никогда не будет.

Он сидел один в открытом кафе близ гостиницы, метрах в двухстах от набережной.

Официантки и барменша удивленно на него посматривали: молодой, интересный, а в одиночку, в жару, добывает бутылку водки, закусывая огурцами.

Но плевать Сане было на официанток, барменшу, прохожих. Когда в нем заплескалось четыреста граммов водяры, он достиг того блаженного состояния, когда плевать ему стало – на все.

В том числе – на самого себя.

Тот же день. Суджук. 18 часов

Варя Кононова

Всю дорогу до курортного города Суджук Варя волновалась. Она убеждала себя, что нервничает из-за жары да тряского самолетика (летели на старом «Як-40»). Но на самом деле ее беспокоили не условия – в походах куда тяжелее бывало. Волновало, что впереди – командировка. Необычная. Ответственная. Первая в жизни.

«Играть придется – на чужом поле, – терзала себя Варвара. – Журналисткой быть, понимаешь ли... А что я знаю о журналистике?!»

Варя достала из сумочки новенькие «корочки»: Газета «Зазеркалье». Варвара Кононова, корреспондент.

Вздыхнула: «Какой из меня корреспондент?»

Еще Сергей Александрович перед вылетом масла подлил: «Варвара, задача у тебя – возможно, посложней, чем у журналиста. Тебя будут интересовать детали. Такие детали, до которых обычно корреспондентам и дела нет... Плюс к тому: местные власти тебе будут палки в колеса вставлять. Их, как ты понимаешь, визит журналистки совсем не обрадует. В их интересах – дело в Соленой Пади побыстрее похоронить и забыть...»

«Вот так вот, – переживала Варя. – Мало того что я не настоящая журналистка, так еще и задача у меня – посложней, чем у настоящего корреспондента!»

...Автобуса к трапу не подали – к зданию аэровокзала прилетевшие шли пешком.

Варя с любопытством уставилась в толпу встречающих. Интересно, ее кто-нибудь ждет?

За железной оградой аэропорта топтался худосочный юноша. Затертый толпой оголтелых таксистов, парень поднимался на цыпочки, демонстрировал всем прилетевшим листок с надписью, «Газета «Зазеркалье».

На душе потеплело: слава богу, встречают.

– Я из газеты. Кононова. Варвара, – представилась юноше Варя. – Здравствуйте.

– Здравствуйте, – пискнул парнишка. Он едва доставал ей до плеча и от этого, кажется, чувствовал себя неловко.

«Почему маленькие мужики комплексуют по поводу своего роста?» – мимолетно подумала Варвара.

Раньше – в школе – она сутулилась, чтобы казаться ниже, но сейчас, в свои двадцать пять, научилась гордиться высоким ростом и статной фигурой. А парни – что ж, они сами виноваты, что задохликами вырастают... Ладно, нужно завязать непринужденную беседу – парень тогда расслабится.

– А у вас тут жара, – заметила Варя.

– Да вечер уже. Какая там жара! – по-домашнему, в тон ей ответил встречающий. И наконец очухался, залепетал по-официальному: – Добро пожаловать в Суджук! Суджук – это самый чистый воздух России! Меня зовут Вадим Горелов, можно просто Вадик. Я представляю туристическое агентство «Аргус» – организация отдыха по всему Черноморскому побережью. Моя машина на стоянке. Багаж у вас есть?

– Нет, все мое ношу с собой. – Она легко вскинула на плечо походную сумку «Рибок».

– Давайте понесу, – без энтузиазма предложил Вадик.

– Справлюсь, – хмыкнула Варя. Такой задохлик и от сумки переломится.

Она с любопытством смотрела на аэропортовскую суету. Мощные таксисты и загорелые грузчики. Лотки с цветами и напитками. От киоска звукозаписи разносится: «Левый, левый, левый берег Дона!..»

«Вроде мы на море – при чем тут Дон?» – удивилась Варя. Спросила Вадика:

– Что за песня? Новейший хит?

– Да какой там новейший! – отмахнулся Вадик. – Лет пять уже крутят. Здесь просто отдыхающих с Ростова полно. Для них ставят.

«С Ростова», – отметила Варя. – Он говорит по-южному: с Ростова, с Краснодара, с Суджука...»

Они двинулись сквозь толпу таксистов, выкрикивающих: «Красавица! Машина нужна?.. Куда ехать? Полетим с ветерком, на «Ауди»!..» Вадик продвигался вперед, как маленький ледокольник, отмахивался от водителей.

Когда вышли к обширной автостоянке, он светски спросил:

– А как погода в Москве?

– Все дождит, – бросила Варя.

– Везуки, – неожиданно отреагировал Вадик. И пояснил: – Жара, натурально, достала. Сейчас, вечером, еще ничего. А днем, когда плюс сорок, хоть волком вой.

– Плюс сорок? – не поверила Варвара. Интересно, зачем она бросила в сумку пару свитеров?

Вадик подвел ее к выдавшей виды «Волге», галантно открыл дверцу, проинформировал:

– До гостиницы совсем близко. Да в Суджуке – все близко. Не то что у вас в Москве... Номер вам заказали одноместный. Машину тоже уже пригнали, стоит на гостиничной стоянке. Вот ключи, техпаспорт, доверенность, радио. «Морду» от радио обязательно вынимайте, у нас тут воруют.

Варя взглянула на документы – она будет ездить на «девяносто девярых» «Жигулях». Нормально.

– Дальше, – продолжил Вадик. – Вот мобильник, подключен по местному тарифу. На счету полтинник. То есть пятьдесят долларов.

Он уложил ей на колени аккуратненький «Сименс».

– Отлично, Вадик! – искренне похвалила Варя. – Предусмотрели просто все, что нужно!

– Нет, еще не все, – зарделся от похвалы Вадик. Он завел мотор и с видимым удовольствием, желая произвести впечатление на гостью, открыл окна в своей задрипанной «Волге» электрическим стеклоподъемником. Окна со скрипом разверзлись.

– Здорово! – не желая его разочаровывать, восхитилась Варя.

Вадим достал из «бардачка» кипу брошюр и бумаг:

– Вот вам еще... материалы. Городской телефонный справочник. Карта Краснодарского края. Схема Суджука. Карта окрестностей: Джанхот, Дивноморское, Кабардинка, Абрикосово, Прасковеевка... А вот – мои телефоны. – Он протянул ей визитку. – Если что, звоните в любое время. Ну, погнались?

– Погнались, – улыбнулась Варя.

Пока ей на юге нравилось. Терпкий морской запах, забавный худенький Вадик, тщательно организованная встреча. Приятно, когда тебя обеспечивают по высшему разряду. Отдельный номер в гостинице, своя машина, мобильный телефон, карта – что еще нужно для работы? Вопрос только – для какой работы?

До гостиницы они действительно домчали за пару минут.

Вадику удалось выхватить Варину сумку и самолично дотащить ее до номера.

Комнатка оказалась крошечной – не более девяти метров. Окна закрыты, духота – исключительная. Зато стену украшает уродливый сероватый ящик.

– Ух ты – кондишен! – восхитился Вадик. Он немедленно взялся подключать агрегат. Пообещал: – Сейчас двадцать градусов сделаем! А то и восемнадцать!

Но прохлады не получилось: кондиционер не работал. Вадик тут же призвал к ответу горничную.

– А что ж вы хотели, – проскрипела та. – В обычных номерах кондиционеры – бакинские, а японские – только в «люксах».

Вадик слегка смутился, пробормотал:

– Неувязочка вышла...

Но Варино приподнятое настроение не омрачили ни тесный номер, ни сломанный кондишен. Она на самом деле привычная: к походам, к палаткам, духоте... А тут все-таки – гостиница. С мягкой постелью и удобствами в номере.

– Пойдем, Вадик, машину мою посмотреть, – заторопила Варя.

Они спустились во внутренний дворик, на гостиничную стоянку.

– Вот ваш транспорт. – Вадим подвел ее к «девяностодевятке». Выглядела машина вполне прилично. Он проинформировал: – Бак полный, тосол и масло я проверил, тормозные колодки

новые, резина хорошая... почти «Мишлин». – Потом смущенно улыбнулся и добавил: – А зовут ее – *Шерри*.

– Чего? – не поняла Варвара.

Вадик потупился:

– Ну, я все машины, с какими работаю, по именам называю. Эту зовут Шерри, в смысле Вишенка, потому что красная...

Варя улыбнулась:

– Извини, Вадик, сразу не поняла... Конечно, я тоже буду звать ее Шерри.

– Вы только поаккуратней, ладно? – робко попросил Вадик. – Она, конечно, застрахована, но все равно – жалко... У вас права-то давно?..

– Семь лет. – Она решила не говорить Вадiku, что заканчивала курсы экстремальной езды. Пожалуй, эта информация его не успокоит. Скорей, наоборот – рас-строит.

Она проводила парнишку до выхода из гостиницы. Постояла на пороге, равнодушно поглазела на набережную. Моря отсюда не видно: только толпы разгоряченных жарой прохожих. Присоединяться к ним совсем не хотелось.

Варя взглянула на часы: семь вечера.

Дурацкое время: ни то ни се. Все официальные учреждения закрыты. Вадик предупредил: деловая активность здесь замирает к четырем часам, и даже мэрия работает до половины пятого. Специфика курортного городка!

Только ей что прикажете делать? Жить в таком же расслабленном режиме?

Варвара поднялась обратно в номер. В комнате царила жарыща-духотища. Даже распахнутое настежь окно не спасало.

За окном, выходящим на набережную, бушевала курортная жизнь. Варя глянула на многоцветную праздную толпу. Поглазела на море, проглядывающее сквозь купы платанов и акаций.

Чем же ей сейчас заняться? Идти купаться? Гулять? Или лечь спать, чтобы завтра с утра пораньше броситься в бой?

Но ни купаться, ни спать не хотелось. Есть – тоже. В самолете накормили на славу, почти на убой. Может, сразу взяться за дело? Тогда она хотя бы отвлечется – и волноваться перестанет, что из ее командировки ничего не получится...

Варя села на кровать, развернула карту Краснодарского края. Вот он, курортный поселок Абрикосово. Всего-то километров сорок от Суджука. А рядом отмечена бухточка: Соленая Падь. Почему бы ей туда не прокатиться – прямо сейчас? Составить первое впечатление? Получить первую информацию? Опробовать Шерри на горной дороге?

Идея Варю захватила.

Целесообразность поездки Кононова оценила в семерку – по десятибалльной шкале. Ничего, конечно, кроме слухов, в этом Абрикосове она не узнает. А место преступления – наверняка до сих пор охраняют. И никто ее туда не пустит.

Впрочем, иногда и от слухов бывает польза. А выбора у нее все равно нет – или бесцельно фланировать по забитой курортниками набережной в Суджуке, либо начать хоть какое-то подобие работы.

Что ж, съездим в Абрикосово, подышим тамошним воздухом...

Ночная прогулка по абрикосовским лесам-пляжам предполагала особую форму одежды: что-то неяркое и удобное.

«Что ж мне надеть?» – задумалась Варвара. Сарафаны и шлепки явно отпадали, а походная экипировка, захваченная из Москвы, тоже не годилась. Смешно надевать защитный комбез из плотного хлопка, когда даже сейчас, вечером, на улице – за тридцать.

«Могла бы перед отлетом хоть прогноз послушать, – ругала себя Варвара. – И головой подумать: как будет смотреться десантный комбинезон в толпе курортников. К тому же Чечня неподалеку. Могут совсем неправильно понять».

Она вышла из гостиницы. К счастью, универмаг, который она заметила по пути, задышался от жары, но работал.

Отчаянно гудели огромные вентиляторы, но все равно продавщицы смотрелись рыбами, выкинутыми из аквариума. На единственную покупательницу, Варвару, глядели чуть ли не с ненавистью.

У первого же прилавка она наткнулась на кеды, сработанные в стиле «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз...». Она с удовольствием купила их, радуясь смешной, почти советской, цене. Куда лучше, чем ее дорогие, но жаркие ботинки-«говноступки». Потом уверенно миновала развалы турецких маечек-юбочек, переливавшихся всеми цветами радуги. Хмыкнула, проходя мимо отдела с вывеской «элитная одежда». Насмешливо подняла бровь, увидев толпу манекенов в пышных свадебных платьях... М-да, ассортиментец в Суд-жуке скуден.

К счастью, на задах магазинчика обнаружился отдел отечественного швейпрома. На прилавках расстился сплошной камуфляж, но – неформальный, летний. Майки, юбки, платья, сарафаны – все темно-тигровых расцветок. Лучше не придумашь!

Варвара выбрала футболку и короткие шорты с бахромой по нижней кромке.

Примерила. Несолидно, конечно. Майка с добавлением лайкры нахально обтянула грудь. Шорты едва прикрывали попу. Зато – нежарко и неярко. И продавщицы поглядывают завистливо – оценили и длину ног, и тренированное тело. «Надо будет в универ в таком прикиде зайти, – хмыкнула Варвара. – На заседание кафедры. То-то ученые дамы обалдеют!»

Она вернулась в гостиницу. С переменным успехом повоевала с душем, выдававшим вместо горячей воды ржавые ледяные струйки. Затем облачилась в обновки и с облегчением покинула душливый, пыльный номер.

Пока спускалась по лестнице, проходила через вестибюль и заводила машину, успела поймать на себе как минимум три раздевающих и один откровенно манящий мужской взгляд. «Осторожней надо быть в этой новой одежке», – нахмурилась Варвара, вырываясь с гостиничной стоянки.

* * *

Шерри оказалась машиной ухоженной. Руля она слушалась идеально. Правда, дорога в Абрикосово Варя совсем не понравилась: горная, всего по одной полосе в каждую сторону, с поворотами – «тещиными языками»... Ее то и дело обгоняли, опасно выезжая на встречную, местные лихачи. «Вот безумцы!» – с опасливым восхищением думала Варя. Но водилы, кажется, чувствовали себя вполне комфортно и даже успевали зазывно делать ей ручкой: догоняй, мол... Но Кононова решила: никакой экстремальной езды, пока она не освоится на местных дорогах.

В итоге сорок три километра до Абрикосова Варя одолевала целый час. Наконец въехала в витиеватый, одноэтажный поселочек, проплелась с предписанной скоростью – сорок – по центральной улице. Чуть не на каждом домике белели таблички «Сдается комната».

«Раз никто не снимает – значит, до набережной отсюда не близко, – рассудила Варя. – Море скорей всего слева... Ага, а вот и указатель: «Пляж». А внизу – приписка углем: «И девки!!!»

Варя повернула. Дорога спускалась с горки, по проезжей части сновали толпы курортников. Разморенные жарой, они то и дело пытались броситься под колеса. Кононова сбросила скорость до двадцати и километра через два доплелась наконец до моря.

Въезд на набережную украшал знак «Движение запрещено». Правда, машины с местными номерами его игнорировали и лихо проезжали дальше, прямо к воде. Но Варя решила не дразнить гусей, то бишь местных гаишников. Остановила свою «девяностодевятку», заперла ее и пошла пешком.

Пожалуй, она все-таки устала. И заслужила по крайней мере пол-литра холодного пива перед пешим походом в урочище Соленая Падь. «Обратно я поеду еще не скоро, – рассудила она. – А алкоголя в пиве немного. Сто раз выветриться успеет».

* * *

В кафешке «Остров сокровищ» кормили ужасно. Зато пиво – не разбавляли.

Крытая настоящей маскировочной сетью площадка полностью заполнялась уже к семи вечера, народ все прибывал, и старший бармен выжимал соки из молодых, бестолковых помощников.

Места за столиком Варваре не досталось, и она с тщательно выверенным обиженным видом угнездилась на узком табурете у стойки. Потягивала ледяное пиво с кальмарчиками, исподволь наблюдала за юрким, востроглазым барменом, прислушивалась к его разговорам с посетителями.

– Тебе как обычно, Колян? Ноль три, ноль три наливай, бестолочь (это помощнику), – он за рулем! Ну что, как бизнес? Куда он денется, говоришь? Точно, ничего эти курортники не боятся, прут и прут. У нас тоже, видишь, какой наплыв, даже бэу креветок уже разобрали...

Здорово, Михай, ну что, поймали маньяка? Ловите? Вижу я, как ты ловишь! Ладно, шучу-шучу... Не жарко тебе в фуражке-то? Может, сразу литр налить?

О, Саныч, приветствую лучшего лесника побережья! Ты из своих угодий еще не сбежал? Жену на хозяйстве оставил? Пусть задирают, говоришь? Ай молодец, дорогой, не теряешься!

Варвара не удержалась от улыбки. Нахальный шутник бармен ей определенно понравился. Надо будет заглянуть в «Остров сокровищ» ближе к закрытию, когда народ рассосется, поболтать с ним... Она отодвинула пустую кружку.

– Повторим, мисс? – немедленно кинулся к ней бармен.

– Спасибо, в другой раз, – отказалась она и встала.

– Может быть, водки? Кокаина? Мальчиков? – шуткуя, крикнул бармен ей в спину.

Варвара помахала ему рукой и вышла на набережную.

Смеркалось, но фонари еще не зажгли. Вокруг кипело веселье. Дети тянули плюшевые игрушки из автоматов. Бритые подростки клубились вокруг пива в разлив. Потные мужики в шортах угощали своих дам поздней черешней и коктейлями в жестяных банках. Стайки девчушек в полупрозрачных платьях и просто в купальниках топтались подле установок караоке. С пляжа неслись визги и хохот. И все вокруг шумело, толкалось, суеилось, орало, пахло потом и резкими духами.

Варвара миновала огромный палаточный городок, раскинувшийся прямо близ набережной. Поразительно, просто поразительно, до чего нетребовательны к условиям отдыха российские граждане! На поляне разбит бивак на сотни машин и сотни палаток. Лежище гудело, словно рой. Где поют, где жгут костры или варят сосиски на керосинке, чистят картошку и слушают переносные магнитофоны. Пьяные выкрики, нестройное хоровое пение, детский плач...

«М-да, я бы лично предпочла для отдыха лесочек где-нибудь в Соленой Пади. Там, наверно, живетсЯ куда как спокойнее, – подумала Варвара. И прибавила про себя: – *Жилось – спокойнее*». Она с облегчением выбралась с набережной.

«Судя по карте, мне три километра по берегу – вправо от поселка. А на будущее: нужно узнать, как туда на машине подъехать».

Варя бодро зашагала вдоль моря по направлению к диким скалам.

* * *

– Молодец, Димка! – с чувством похвалил Валерик. – Привез-таки... А я думал, обманешь.

От полноты чувств Валерка дал водителю «уазика» целый полтинник, и тот, довольный, потрусил по проселочной дороге обратно в Абрикосово. А Димка просиял от похвалы старшего. Ради Валерки и на преступление пойти можно: старый холодильник из дома умыкнуть. У деда в сарае барахла столько, что он пропажу и не заметит. А друг вон как обрадовался – теперь их бизнес еще круче в гору пойдет!

Валерка Клевенский, двадцати лет от роду, нашел себе на это лето хлебную работенку: нанялся в лесничество «администратором Первой площадки».

В последние годы в Абрикосове начали, как выразился местный мэр, «ставить отдых на промышленные рельсы». Говоря по-человечески: курортник должен за все платить. Раньше было как: хочет отдыхающий – пожалуйста, пусть устанавливает себе палатку на берегу и отдыхает на халяву. А теперь не те времена. За право отдохнуть без удобств тоже придется платить. Землица, чай, ихняя, абрикосовская. И вдоль моря она в сезон – на вес золота.

Палаточный городок – табор посреди самого Абрикосова сделали платным еще в позапрошлом году. Назвали красиво: «Кемпинг «Казачий курень». Название неслучайное: отдыхали здесь в основном станичники с Дона, Ставрополя и Кубани.

А с нынешнего лета поселковая администрация взялась и за дикие пляжи. По крайней мере, самый ближний к поселку тоже поставили «на промышленные рельсы». То есть сделали платным. От Абрикосова – пешком всего километр, вокруг – тишина и сосны, а внизу, под крутым обрывом, плещется чистое море.

Первая площадка располагалась на горе и представляла собой квадратную поляну с редкими соснами. Внизу – узкая полоска каменистого пляжа. Всю жизнь сюда съезжались знатоки-ценители дикого отдыха. Те, кто не желал разбивать свои палатки в бардаке Абрикосова – и одновременно не хотел уезжать слишком уж далеко от цивилизации. Но в этом году халява закончилась: поставили на площадке мусорный контейнер, туалет. Прорубили ступеньки к морю, подсыпали подъездную дорогу – и объявили поляну «рекреационной зоной». Плата – тридцать рублей в сутки с машины, с каждого пешего туриста – десятка. А кто не желает раскошелиться – пусть едет дальше, по буграм и ухабам. Еще километра три (если машину, конечно, не жаль) – имеется другая полянка, по имени Соленая Падь, уже бесплатная. А еще через три кэмэ – бухта Медвежья. Но туда, в Медвежье, на машине, впрочем, и не доберешься, только морем. Но наверняка недалек тот день, когда и Падь, и Медвежье тоже сделают цивилизованными, «рекреациями» объявят. Первая-то площадка прибыль дает!

Валерку Клевенского наняли сюда на все лето: собирать с туристов деньги, следить за порядком. Зарплату положили копеечную, но намекнули: дополнительные услуги устраивай на свой вкус. Что зарабатываешь – все твое.

Он и развернулся – целую прокатную контору организовал. Купил три бадминтонных комплекта, волейбольную сетку, тройку надувных матрасов. Упер из дома шашлычницу. У друга одолжил дартс. Курортнички за его услугами чуть не в очереди толклись. А еще чаще – приходили за пивом (им Валерка тоже приторговывал, с наценкой три рубля за бутылку). Покупатели, правда, жаловались, что не идет в такую жару теплое пиво, но парень только руками разводил: не хошь – не бери. А теперь, как Димочка холодильник припер, его площадка и вовсе цивилизовалась – электричество-то им давно провели!

Парни немедленно поставили эксперимент. Определили опытным путем, что в древний «зилок» свободно влезает сорок четыре пивные бутылки. А морозит холодильничек будь здоров, только заполняй.

– Эх, Димон, за сезон наторгуем – по цветному телевизору на зиму купим. И по тарелке! Спутниковой! – размечтался после доставки холодильника Валерка.

– А курортник-то будет? – озабоченно спросил Димка. – В поселке говорят, что народ теперь разбегается...

Валера хмыкнул:

– Вчера, как слух пошел, девять машин уехало. А зато сегодня – еще двадцать прибыло. Не видишь, что ли, – ставить их уже некуда, завтра кизил вырубим, еще пару тачек там приспособим.

– И не бояться ведь, едут... – Димка зябко повел плечами.

– Бояться не бояться – а такой халявы, как у нас, им больше нигде не найти, – резонно заметил Валерка. – Номер «люкс» за тридцатник в сутки. А не нравится – пусть чешут в Соленую Падь! – заржал он.

Его смех верноподданнически поддержал Димка.

Когда отсмеялись, Дима с придыханьем спросил:

– Кто ж это был, в Пади-то? А, Валерк?

Димка смотрел на друга восторженными глазами. Во Валерка жесткий чувак – ночевал, считай, в трех километрах от места убийства, а не боится ни грамма. Наоборот, довольный, веселый. Все ему нипочем.

– Хочешь, хохму тебе расскажу, – понизил голос приятель.

Димка подался вперед.

Варвара, скрючившаяся в соседних кустах, затаила дыхание.

– Я в Соленую Падь-то ходил! Ну, утром, в воскресенье, когда ментов еще полно было. А что – работаю в лесничестве, имею полное право. Должен знать, что на моей территории происходит. Поболтался я там, пока не прогнали...

– И трупачи видал? – выдохнул Димка.

– Не, – с сожалением отозвался друг, – только мешки черные, и кровищи – море... Но ты слушай. Там один мент был не наш, не абрикосовский. Из Суджука, наверно, а то даже из Краснодара. Он знаешь что сказал? Похоже, говорит, на Медвежье!

– На медвежье? Но откуда у нас медведи? – фыркнул Димка.

– Ты че, совсем тупой? – рассердился друг. – Забыл, что ли, что в Медвежьем в том году было?

– Ну, тоже вроде убили кого-то...

– Убили, да! Мужика там на куски разнесли, а голову в море выкинули. Только в газетах про то не писали – все засекретили, на хрен. А мне брательник рассказывал, он в Медвежье в тот день на катере ездил, на парашюте курортничков таскать. Тогда он весь бледный домой приехал и говорит: Джек-потрошитель у нас на побережье завелся, паника, народ тикает, спекули билеты с тройной переплатой продают!

– Эй, парни, пиво имеется? – вклинился в разговор мужской голос.

– Все, проехали, – прошипел Валерка.

А Варвара, пользуясь тем, что парни отвлеклись, тихонько выбралась из кустов и быстро пошла прочь от Первой площадки. Она поймала себя на мысли: торопиться в Соленую Падь ей уже не хотелось. Да еще в темноте. Пришлось себя обругать: «Я – трусиха и дура». И ухватиться за компромисс: «Ладно уж, прогуляюсь по свежему воздуху. Хотя бы издалека посмотрю. А на самом месте преступления – все равно оцепление. Не пустят».

Дорога в Соленую Падь оказалась ужасной – для машин. Бугры, ухабы, непросохшие лужи. «Хорошо, что я Шерри сюда не погнала», – решила Варя. Впрочем, пройти даже приятно: дурманяще пахнет зеленью и морем, стрекочут цикады, небо усыпано звездами. И даже не верится, что совсем близко прячется Абрикосово с его толпами, суетой и грязью. «Может,

мне тоже когда-нибудь сюда махнуть? На отдых?» – подумала Варя. Но тут же от этой идеи отказалась: что здесь делать? Целыми днями валяться на пляже?

Три километра до Соленой Пади она прошла незаметно. Издалека увидела милицейскую машину, «уазик», с включенными габаритами.

Не желая нарываться на расспросы, Кононова свернула в лесок, пошла напрямик в направлении Соленой Пади. Под ногами путались цепляющие кусты и коряги, и Варя старалась передвигаться как можно тише. Спасибо, месяц взошел. Если б не он (да плюс отраженный свет от моря) – давно б навернулась о ветку или корягу.

Впереди уже проглядывала поляна: дубы, сосны, огороженное желтой лентой место преступления. Еще две милицейские машины... Варя взглянула на часы: полночь. Вряд ли менты ее поймут, если она сейчас заявит к ним знакомиться. Покадрятся-то они с ней с удовольствием – как бы отбиваться не пришлось. А вот в легенду про журналистку из «Зазеркалья» вряд ли поверят. Что это за журналистка – является в полночь, одна, пешком, без провожатых! Еще и в отделение свезут – личность устанавливать. Но рассмотреть место преступления надо – хотя бы издалека. Вон за тем дубом укрыться – и выглянуть аккуратненько...

Варя осторожно пошла к толстоствольному дереву. Вдруг нога ее заскользила, и она еле удержала равновесие. Сердце трепыхнулось: что за ерунда? Кононова опасливо скосила глаза: нет, ничего страшного. Под ногами – валяется пустой мешок, из толстой белой пленки. Кажется, сахар в таких продают. Она присела на корточки, присмотрелась: действительно из-под сахара. Внутри полощутся остатки белых кристалликов.

«Кому, интересно, понадобилось пересыпать сахар в глухом лесу? – удивилась она. – Или мешок просто выкинули сюда, чтоб на помойку не тащить? Да, нашему народу на экологию плевать...»

Варя досадливо отшвырнула мешок. Был бы сейчас день – взяла бы с собой, лично отнесла бы на свалку. Но не заниматься же экологией глубокой ночью, в двух шагах от места убийства...

На душе было тревожно.

«Что я сижу здесь? Все равно – ничего не видать. И менты, не дай бог, заметят. Может, у них и собаки с собой... Лучше завтра сюда приеду. Днем».

Варя повернула прочь от поляны, где совершилось убийство.

Ага, вот и спуск к морю. Крутой, но – вполне по силам.

Хватит ей на сегодня работать. Заслужила!

Она ловко спустилась до кромки моря. Удостоверилась: вокруг ни души. Быстро разделась догола и кинулась в серебряную от луны воду.

Вода оказалась до безобразия теплой – даже плыть жарко. Варвара перевернулась на спину, уставилась в небо. Когда взошел месяц, звезд стало меньше. Но все равно их нескончаемый океан распростерся над нею. Быстро неся, подмигивая, спутник, метеорит вспыхнул и тут же упал. Эх, жаль, опять не успела загадать желание.

Но, впрочем, Варя не верила в гадания. И она просто закрыла глаза – отгородилась от чарующего неба. Остались темнота и тишина и легкий плеск волн.

Варвара стала прикидывать планы на завтра: день будет сложным. Ей предстоят нелегкие официальные визиты – начинать надо с суджукского мэра. Затем – милиция, прокуратура... Добиться аудиенций наверняка будет сложно. А если местные начальники и согласятся с ней встретиться, то наверняка будут все отрицать. Удастся ли пообщаться со следователем, ведущим дело? Сможет ли она выяснить, что за убийство случилось в прошлом году в поселке Медвежье? (Да было ли оно вообще, убийство? Или это просто мальчишеский треп?) И в конце концов ей надо определиться: какие сведения о трагедии в Соленой Пади ей нужны?

* * *

По скользким валунам Варя выбралась из воды на пустынный берег. Скалы, камни и море серебрились от луны.

Даже после купания было ничуть не холодно. Ни ветерка. Нагретые за день скалы отдавали в ночное небо свой жар.

Тело быстро обсохло. Варя натянула шорты и майку. Присела на плоский камень – отдохнуть перед обратной дорогой в Абрикосово. Чернота моря с серебристой от месяца дорожкой расстилалась перед ней. Ни души, ни звука, только лихорадочно стрекочут цикады.

И вдруг...

Чья-то тень мелькнула на берегу.

Что-то двигалось навстречу ей вдоль моря.

Варя заметила движение уголком глаза. Сердце бешено заколотилось. Она вскочила, повернулась к движущемуся объекту.

Что-то темное, лохматое наступало прямо на нее. Варя непроизвольно сжала кулаки. В кровь хлынула ударная доза адреналина.

Тень приближалась. Тихо, беззвучно. Что-то низкое, мохнатое быстро бежало по берегу. Расстояние от него до нее стремительно сокращалось.

Варвара нагнулась и подняла с земли большой камень. Приготовилась к обороне. Кто бы он ни был, она не сдастся без боя!..

Объект увидел ее жест. Остановился как вкопанный. Он находился шагах в двадцати. В отблеске месяца хищно блеснули глаза. Серебристый свет озарил косматую холку, вытянутую вперед морду, настороженно наостренные уши.

Фу-ты!.. Варвара с шумом выдохнула воздух. Это собака. Просто собака.

Варя присмотрелась к животному – оно по-прежнему стояло неподвижно, готовое в любую секунду убежать.

Действительно – собака. Но не дворняга, каких полным-полно в курортных поселках, а, кажется, породистая.

Умная чуткая морда. Лохматые уши. Рыжая масть. На шее – похоже, ошейник. Варя не была сильна в кинологии, но, кажется, эту породу называют ретривер.

Пес по-прежнему был насторожен, недвижим – готов в любую секунду пуститься наутек. Варя осторожно выпустила камень. Он упал на скалы. От стука камня собака дернулась, отбежала на пару шагов. Однако остановилась, тоскливо оглянулась на Варю.

Варвара призывно просвистела: «Фью-фью-фью» – и подивилась: от пережитого испуга совсем пересохло во рту.

Собака не двигалась. Хвост ее был боязливо зажат между задними лапами.

– Не бойся, – ровным ласковым голосом сказала Варя, – иди ко мне.

Пес не решался ни на какое движение. Так и застыл на месте. Казалось, он напуган сильнее, чем Варя – пару минут назад, когда пес появился и бежал прямо на нее.

– Ко мне, иди ко мне, – радушно проговорила Варя и ласково похлопала ладонью по ноге. – Джим, Тоби, Джек!.. Как там тебя? Ко мне!

Пес сделал пару нерешительных шагов в ее сторону.

– Терри, Фердинанд, Фрутти!.. – продолжала ласково перечислять известные ей собачьи клички Варвара.

Ей показалось, что на «Фрутти» пес откликнулся – во всяком случае, наострил уши и сделал еще пару шагов в ее сторону.

– Фрутти, Фрутти!.. Ко мне, ко мне!..

Наконец пес решился. Направился к ней.

Готовый в любой момент передумать и умчаться прочь, он сторожко пошел к Варваре. Девушка присела на корточки. Протянула к нему раскрытые руки. Пес подошел и обнюхал ее ладони.

Варя ласково погладила его по лбу, потрепала по холке. Пес стоял весь настороженный, не шевелясь. «Домашний, все правильно. Мне не показалось!» Шею пса пересекал кожаный ошейник. Собака производила впечатление ухоженного животного. Шерсть блестела даже в неверном свете луны, бока лоснились от добротного корма.

Варя ласково запустила руку в шерстку. Погладила ее, одновременно исследуя. Ни колтунов, ни клещей, ни репьев.

– Да ты домашний. Потерялся, дурачок, – нежно проговорила Варя. – А ну, посмотрим, кто ты таков. И кто твой хозяин.

Она отогнула кожаный ошейник – с обратной стороны хозяева часто пишут кличку пса и свои координаты.

Но – нет. Тыльная сторона ошейника оказалась девственно чистой.

– Эх, Фрутти, Фрутти! – вздохнула Варя. – Что же мы теперь с тобой будем делать? Где искать твоих хозяев? А?..

Она заглянула псу в глаза.

Их выражение поразило ее. Казалось, в черных зрачках собаки навечно застыли испуг и вселенская печаль.

– Где твои хозяева? – повторила Варя.

Пес повернул голову в сторону сосновой рощи на скале – в сторону Соленой Пади – и печально, жалко завыл.

* * *

– Как они?

– Все находятся на месте. Температура в норме. Влажность в норме. Ничего нового. Ничего подозрительного. Все идет по плану.

– Хорошо. Продолжайте.

* * *

Бар «Остров сокровищ», что на набережной в Абрикосове, форменным образом задыхался.

Два часа ночи, а народ все идет и идет. И люди-то денежные, закрывать – просто глупо. Это не то что днем, когда подростки по бокалу пива закажут и смакуют без закуси.

Уже из кухни притащили все, какие ни есть, стулья и табуретки. Уже отправили гонца к автовокзалу за «левой» водкой. Уже оркестрик меньше чем за сотню песен не исполнял. А люди все шли и шли, и старший бармен сорвал голос, покрикивая на бестолковых молодых помощников.

– Справляешься, Витек? – ласково поинтересовался у него довольный наплывом людей хозяин.

– Хрена! Завтра отгул беру! – простонал тот.

– Только попробуй, – сверкнул фиксой шеф и пошел к своему «Мерседесу».

А Витя любовно погладил разбухший от чаевых карман и тревожным взглядом окинул владения. За столиками отключились уже человек десять. Двое – уронили пьяные головы на стойку. Пора звать охранников, пробуждать и выводить...

И тут он снова увидел ее – давешнюю деваху в сексуальном псевдокамуфляже. Девка стояла на пороге и скептически осматривала пьяный беспредел.

– Вэлкам! – заорал Витя. На его взгляд, одинокая красотка, безусловно, заслуживала самого пристального внимания.

Она услышала, улыбнулась. Ловко обходя пьяных, подошла к стойке.

И тут – у ее ног материализовалась собака и потрусил рядом с хозяйкой.

– Эй, барышня! С собаками не положено! – прокричал Витькин помощник.

– Этой можно! – осадил его Виктор. – Не видишь – породистая! – И улыбнулся гостю: так, чтоб непонятно было, к кому эпитет «породистая» относится – к собачке или к хозяйке.

Девушка и золотистой масти пес – кажется, ретривер – подошли к стойке.

– Вам пива, – утвердительно ухмыльнулся Витя. – Обоим.

Девушка покачала головой:

– Мне – минералки. – И объяснила: – Я за рулем.

– Быстро стул мне нашел! – прошипел Витя помощнику. И – снова ей: – Так вы – за рулем? Вы что же, не местная?

– Разве не видно? – тонко улыбнулась девица.

– Видно, – легко согласился бармен.

– А зачем тогда спрашиваешь? – Она легко перешла на «ты» и обволокла его томным взглядом.

Витек, на что уж привычный к похотливым курортницам, даже слегка смутился. Или это усталость за бесконечный день накопилась?

– А собачке твоей чего? – бросил Витя.

– А ее – на заднем дворе остатками шашлыка накормить. Да нежирными. Она у нас видишь какая – породистая.

– Ты с собачкой отдыхать приехала? – спросил оправившийся от смущения Витя. – Как Антон Палыч Чехов писал? – Витя был парнем начитанным и любил свою образованность демонстрировать.

– Нет. Собачка чужая. Потерялась. Можно ее у тебя пока оставить?

– Оставить – пока, – с сомнением проговорил Витек. – Пока что?

– Пока хозяева не найдутся.

– А что я с этого буду иметь?

– А что ты хочешь?

– Нежный поцелуй. – Витя облизал губы. – Для начала.

Девица оценивающе оглядела Витю и низким, сексуальным голосом сказала:

– Я тебя поцелую. Потом, – рассмеялась и добавила: – Если ты захочешь. А вот тебе аванс... – Девушка что-то прикинула в уме и выложила на стойку две сторублевые купюры. – Это на кормление пса. На четыре дня.

Банкноты мгновенно исчезли у Витька в кармане.

– Только ты учти, барышня, – сказал он, – у нас тут собаки к «Педигрипалам» да «Вискасам» не привыкшие. На кухне остатки будет жрать.

– Только – нежирные остатки, – еще раз строго предупредила девица. – Сало ей нельзя, понимаешь?

– Сделаем. Хочешь, я ее, как и тебя, «Нарзаном» поить буду?

– Вот это лишнее, – усмехнулась деваха над запотевшим стаканом минералки.

В этот момент ожил оркестрик. Лысоватый певец провозгласил в микрофон развратной скороговорочкой: «Для Инги из Чебоксар от нового друга из Ставрополя прозвучит ее любимая песня. Пусть лето принесет вам, Инга, радостные воспоминания без всяких неприятных последствий!»

Синтезатор зазвучал, певец засипел в микрофон: «Заметает зима, заметает все, что было до тебя!»

За одним из столов женщина в годах, одетая в синтетическое вечернее платье, притянула к себе мужчину (очевидно, нового друга из Ставрополя), благодарно поцеловала прямо в губы и потащила танцевать.

Девушка потянулась к Витьку примерно таким же, как та Инга из Чебоксар, многообещающим движением – но отнюдь не поцеловала, а интимно спросила:

– Вот скажи мне, друг, – голос у нее был грудной и отчетливый, он легко перекрывал завыванья певца, – что у вас тут на диком пляже произошло?

Бармен округлил глаза:

– Страсти, барышня, у нас в Абрикосове. Такие страсти, не для женских ушей!

Варвара ухмыльнулась, откинула косу, продемонстрировала Витьку свое ушко – изящное, но совсем под стать ей не маленькое:

– У меня уши крепкие, выдержат! И в Соленую Падь я уже ходила. Правда, там оцепление, посмотреть не получилось. Говорят, четверых курортников убили. Что слышно? Чьих рук дело-то? Бандиты? Чеченцы?

Теперь Варвара уже не спрашивала – она требовала ответа. И Витя, взглянув в ее цепкие, шоколадные глаза, отчего-то решил: он должен ответить этой красивой, странной, одетой в легкомысленный камуфляж девушке.

– Я, конечно, гарантировать не могу – сам не видел, – пробурчал он. – Но слушок у нас ходит такой: что убийца – не человек.

– А кто же? – хладнокровно спросила Варвара.

– Трупы там – они не просто убиты. Они разорваны, понимаешь? На куски, будто их кто-то грыз.

Он дождался реакции. Знакомые девчонки на этой фразе обычно взвизгивали. А эта – просто строго спросила:

– Что значит – грыз? Зверь, что ли, их разодрал?

И тут Витя окончательно понял, что никакого, даже самого мимолетного романа с ночной гостьей у него не получится. Не для него она: слишком хладнокровная. Поэтому бармен просто устало ответил:

– Может, и зверь. Только следов вокруг – никаких. Ни единого, понимаешь?

* * *

Из Абрикосова Варвара выехала в три часа ночи.

Она самолично отвела Фруттиса – или как его звали по-настоящему? – на зады «Острова сокровищ». Убедилась, что перед ним поставили полную миску картофельного пюре и нежирного шашлыка. Потрепала на прощанье ретривера по холке. Он поднял на нее тоскливые глаза, словно говорил: «И ты меня тоже бросаешь».

– Не грусти, я скоро приеду, – прошептала она, и пес ей отчего-то сразу поверил. Но, как ни проголодался, есть не стал, покуда девушка не ушла. И уж когда она скрылась в полутьме набережной, стал аккуратно, задумчиво жевать шашлык.

Варя не спеша ехала на Шерри по дороге от моря. Поселок все еще веселился, но ручейки гуляк уже текли прочь от приморских развлечений по направлению к турбазам и съемным квартирам. Поздних пешеходов мотало из стороны в сторону. Приходилось ехать на самом малом ходу, на второй передаче – чтоб ненароком никого не сшибить. «Кому он нужен, такой отдых!» – мимолетно подумала Варвара, углядев в свете фар скрючившегося в три погибели мужика, того рвало прямо на дорогу.

У поворота на шоссе поджидала добычу гаишная машина. Сержант, естественно, тормознул позднюю «девятку», следующую из эпицентра местного разврата – от приморских кафе. Долго и подозрительно приняхивался к Варваре. Возвращая права, изрек:

– Духи у вас, мадам, хорошие... коньячком пахнут. Может, в трубочку дыхнете?

– Духи называются: «Дип Рэд», – просветила она. – Это значит «темно-красные». А трубочка ваша – она от моего дыхания красной не станет. И не старайтесь.

Понтыришник несчастный, хотел ее на спиртном подловить! А то она не знает, что несчастные пол-литра пива (три часа назад) никакая трубочка не возьмет!

Варя уселась в машину, щелкнула – на всякий случай – центральным замком и ринулась в ночь, на трассу Абрикосово – Суджук.

«Про убийства в Соленой Пади многие знают. И знают прекрасно. Немудрено. В поселке все всегда обо всем знают. И версий в народе, похоже, ходят две: маньяк и нечто. Некий зверь, не оставляющий следов. Ну-ну».

Дорога утопала во мраке, к обочинам подступали деревья, встречных машин не было. Варя врубил дальний свет и против воли представила: пустое шоссе, далекие крики сов, безудержный стрекот цикад и... И нечто, вдруг являющееся перед ней в безжалостном свете фар... Настоящий фильм ужасов. Она улыбнулась – чего только не пригрезится, когда ты уже двадцать часов на ногах...

Шоссе меж тем пронесло ее через три сонных поселка и стало карабкаться вверх. Впереди – Матвеевский перевал. Варвара неохотно сбросила газ: такая скучища плестись по серпантину! А что поделаешь, носиться по перевалам с резкой сменой ускорения-торможения, как местные лихачи, она не умеет. Нечего и пробовать, тем более ночью.

Она на черепашьей скорости преодолела первый «тещин язык» и зевнула. Завтра она планировала встать в семь. Но, пожалуй, можно будет перевести будильник хотя бы на часик попозже...

Фары высветили очередной крутой поворот с обрывом с краю, нога автоматически, помимо воли переместилась на тормоз... И Варя тут же вдавила педаль в самый пол.

У кромки обрыва, уткнувшись носом в ограждение, стояла машина. Ее колеса были жалобно вывернуты.

Варвара мимолетом глянула на часы и чертыхнулась. Половина четвертого утра. Абсолютно пустое, темное, страшное шоссе. В голове крутанулись милицейские сводки – про аварии-приманки, про убийства и грабежи на пустынных трассах. Оружия у нее, разумеется, с собой нет. Да и смешно: противостоять дорожной банде – даже с оружием, когда ты одна. Нажать на газ – и пускай аварийная машина ждет других попутных или встречных? А если в ней раненые? Если там – дети?

«То-то будет командировочка, если я в первый же вечер вляпаюсь в историю!» – подумала Варя, выскакивая из машины.

На перевале было прохладно. Варвару сразу же пробрала дрожь: то ли от холода, то ли от страха. И – никого вокруг. Ни машины, ни человека. Ни света фар вдалеке. Только трещат цикады да жалобно кричит где-то далеко на горе то ли горлица, то ли древесная лягушка. И – темный, молчаливый автомобиль.

Варя приблизилась к пострадавшему авто. Ей было не по себе. Очень не по себе. И потому она постаралась занять свой мозг посторонними мыслями.

Итак, новенькая «Тойота-Лендкрузер», цвет – черный, номер – местный, блатной – «а 333 ха 23», боковые стекла выбиты... Видимо, водитель не справился с управлением, не вписался в поворот. Спасибо, бетонное ограждение помогло, а то лететь бы машине на самое дно ущелья. Ну чего водителю стоило: вовремя нажать на тормоз! Но – нет! Вот они, местные лихачи-алкоголики: зальют глаза и носятся, как безумные.

– Есть кто живой? – взволнованно и строго спросила Варвара. Она уже увидела в безжизненном свете фар собственного авто: пассажиров в «Тойоте» нет, и только на водительском сиденье угадывается темная, недвижимая фигура.

– Спасибо, лапочка, что остановилась, – вдруг откликнулся изнутри машины спокойный мужской голос.

Варвара даже вздрогнула: голос звучал столь небрежно, будто человек благодарил ее за сигаретку.

Она тоже постаралась говорить спокойно, будто на светском рауте:

– Выбраться не хотите?

– Хочу. Только не могу ремень отстегнуть, заклинило.

Варвара, совершенно успокоившись, еле слышно усмехнулась: ну и мужики пошли, ремень безопасности не могут отщелкнуть. Она легко откинула дверцу машины, перегнулась через недвижимого, видно, обалдевшего от страха водителя и зашарила пальцами по замку, удерживавшему ремень. Мужчина, молча наблюдавший за ней, вдруг провел пальцем по ее руке и пробормотал:

– Молодая...

– Лапы убери! – рявкнула Кононова.

Еще не хватало ей сексуальных экзерсисов! Любви на краю пропасти!

Она легко отщелкнула ремень и пробурчала:

– Путь свободен. Вылезай.

Мужчина зашевелился. В безжалостном свете фар от Шерри блеснула седина в его волосах.

Варя не удержалась:

– Не староват ли ты, дядя, – по перевалам гонять?

Мужчина не ответил. Неожиданно быстрым прыжком выбрался из машины.

Он оказался высок, строен, но немолод.

Небрежно тряхнул правой рукой, протянул ее Кононовой:

– Андрей Смоляков. Можно на «ты».

«Абсурдная, дикая картина, – мелькнуло у Вари. – Знакомство ночью, в буквальном смысле на краю пропасти. И ни одной машины не слышно. Ничьих фар не видно...»

– Меня зовут Варвара Игоревна. – Она не приняла панибратства.

С интересом разглядела спасенного. Хоть и седой – а совсем неплох: глаза яркие, брови вразлет, подбородок волевой. Ален Делон предпенсионного возраста. И держится огурцом – она бы после аварии так не смогла: наверняка б или ревела, или глупо хихикала.

– Еще раз спасибо вам, Варенька, – непринужденно поблагодарил водитель «Тойоты».

– Не за что, – буркнула она. Пес с ним, пусть зовет Варенькой. Она ему и впрямь в дочки годится. – Что случилось-то?

Он улыбнулся – непринужденно и весело:

– Ехал. Смотрел на луну. Мечтал. Тормозить начал поздно. Ну и, – передернул плечами, – колымагу занесло.

Ничего себе «колымага» – тысяч восемьдесят долларов такая стоит!

– Впрочем, – ответил на ее мысль Андрей, – ничего страшного. Вы подросли вовремя. Машина застрахована, я – трезвый, так что Госстрах все оплатит.

Варя уже успела к спасенному привыкнуть и оценила, что пахнет от него совсем даже не водкой, а хорошим парфюмом и свежей рубашкой. И это – в четыре-то утра!

– Надо вызвать гаишников. И техпомощь, – кивнула на «Тойоту» Варвара.

– Мы ж на перевале, – возразил Андрей. И пояснил: – Здесь мобильники не берут. А на спутниковый телефон я еще не наворовал.

– А вы – воруете? – остро спросила она.

– В России все воруют, – хохотнул спасенный.

Варвару уже начал раздражать их неспешный разговор. В конце концов время неумолимо катится к утру, ей рано вставать, а она ведет светские разговоры посреди Матвеевского пере-

вала, на краю пропасти, под звон цикад. И плюс к тому нет-нет да споткнется о пронзительный, умный взгляд спасенного незнакомца.

– Ну тогда – поехали, – приказала она. – Довезу вас до Суджука, а там уж разбирайтесь сами. С мобильниками, гаишниками, страховщиками... С кем хотите.

Он галантно прижал руку к груди. Варя, опять же против воли, отметила, что пальцы его длинные, а ногти ухожены.

– Спасибо вам, Варя. С удовольствием соглашусь проехаться с вами. – Он подмигнул ей и весело улыбнулся: – Вы, наверно, устали? Хотите, я сяду за руль?

– Нет уж, спасибо, – отрезала она. – Хватит вам на сегодня рулить.

И, не оглядываясь, пошла к машине.

Раннее утро, вторник. Город Суджук

Варя

«Тоо-реадо-ор, сме-ле-е в бой!» – разливался телефонный будильник.

Варя отчаянно прикрылась подушкой.

«То-реадор, то-реадор!»

Голосок у мобильного – громкий, как у Каррераса, под подушкой не спрячешься. Сейчас всю гостиницу перебудит – стены здесь словно бумажные. И точно – слева немилосердно заколотили.

– Достали! – проревел из-за стены мужской голос.

«Торе-адор!» – откликнулся будильник.

Варя со стоном дотянулась до телефона и выключила звонок.

Поспать ей удалось три часа – совсем негусто. Впрочем, у всех постояльцев гостиницы, похоже, проблемы со сном: прямо под окнами до четырех утра орет дискотека. Так что сердитого соседа слева, колотящего в стену, можно понять.

Варя нехотя выбралась из кровати, прошла к окну. Город еще спал, одинокое море в свежей утренней дымке смотрелось блистательно. Одиночество, режущий глаз солнечный блик на воде, первая в жизни самостоятельная командировка... «Мне полагается петь от счастья», – подумала Варя. Но ей не пелось.

На сердце лежало непривычное, иррациональное чувство – *тревога*. И Варя никак не могла объяснить самой себе, что именно ее беспокоит. Жестокость, с которой совершены убийства в Абрикосове? Страх, что она не справится? Неприкаянность из-за того, что одна-одинешенька в чужом городе? Нет, чепуха. Ничего она не боится. Только на сердце все равно нехорошо. Тяжесть лежит на сердце. *Предчувствие*.

«Чушь это все, – приговорила интуицию Варя. – Ахинея и бред. Или – гормон играет». Она не поленилась заглянуть в свой медицинский календарик: точно, у нее как раз конец цикла, а, как пишут в медицинской литературе, «в этот период времени женщины особенно мнительны и тревожны».

Значит, физиология? Или все же ее волнует что-то реальное? Какая-то деталь, штрих, случайное слово, которое она просмотрела-прослушала вчера? Но ведь вчера и событий-то особенных не было...

Ладно, хватит попусту ломать голову. Работать надо. Будет больше информации – тогда и мысли появятся. Варя покончила с рефлексией, натянула спортивный костюм и побежала купаться.

Не успевший смениться ночной портье проводил ее диким взглядом, крикнул вслед: «Я думал, ты до двенадцати спать будешь!»

Варя тыканье проигнорировала: на юге, похоже, так принято – симпатичных девушек здесь величают запросто, без церемоний.

Рассекая энергичным кролем чистейшую – после ночи – воду, Варя прикидывала план действий. Итак, на сегодня запланировано хождение во власть. Круг вопросов, которые она задаст властителям, тоже очевиден. Чтобы сформулировать их – журналистского образования не надо. Интересно только, каким образом ей добиваться аудиенций? Явно ведь: городские начальники ее не ждут. Кому нужна корреспондентка из какого-то «Зазеркалья» – тем более сейчас, когда тут у них форс-мажор! А убийство в Соленой Пади власти явно пытаются скрыть. Или уж хотя бы – не афишировать.

«Впрочем, – решила Кононова, – хватит канючить».

Она сделает суджукскому мэру такое предложение, от которого тот просто не сможет отказаться.

...Варя припомнила: Вадик, ее вчерашний встречающий, сетовал по дороге, что многие местные санатории-турбазы стремятся заполучить как можно больше курортников, да только не очень-то это у них выходит. «Наш мэр говорит, что привлечение отдыхающих – задача перво-очередной важности». Вот мы мэру и поможем.

Плывя прочь от обросшего водорослями буйка, Варя уже составила в уме план осады. «Безупречно», – скромно оценила его она. Придется, правда, пару простеньких сайтов взломать – но дело это привычное, лэп-топ и телефон у нее есть.

* * *

Мэру города Суджук оставался всего год до почетной отставки – шестьдесят пять лет, на третий срок уже не изберут. Да и устал он постоянно сидеть на пороховой бочке. А управление городом – курортным, шумным, проходным городом, – по его разумению, приравнялось к службе в условиях военного времени.

Ивану Аверьяновичу Савченко осталось пережить последнее лето, последний *сезон* – самую важную часть года, когда город перемалывает тысячи курортников, кишит заезжими гастролерами, стонет от вандалов, задыхается под напором жарких толп...

Сегодня мэр опять явился на службу не в духе. «Зуб болит, – решила секретарша. – Или с женой поругался». Однако она ошибалась. На здоровье мэр не жаловался, а супруга, находящаяся в стадии выпрашивания новой машины-иномарки, вела себя безупречно.

Но каждый новый день в разгар сезона начинался для мэра с неприятностей. А каждая неприятность грозила перерасти в катастрофу.

Позавчера, тоже утром, Савченко узнал: в Абрикосове (а этот поселок находился под его юрисдикцией) произошло зверское убийство. А вчера менты, явившиеся на доклад, сообщили: преступники не задержаны, реальных версий нет, и вообще трагедия в Соленой Пади отдает нехорошим душком: *нормальный* убийца с таким количеством крови не убивает. В подобном стиле действует только маньяк. А в разгар курортного сезона – только маньяка ему в районе не хватает...

Иван Аверьянович не спеша снял пиджак, оторвал листок на календаре, смахнул невидимую пылинку с компьютера... Все гадал: что в Суджукe случилось за эту ночь? Перестрелка в кемпинге «Лидия»? Авария с жертвами на Матвеевском перевале? Новые – а потому настырные и пока неприрученные – сэсовцы из Краснодара обнаружили холерную палочку в бухте? Или, самое ужасное, – маньяк из Абрикосова оставил новый кровавый след?

Секретарша положила перед мэром кипу бумаг. Сводка происшествий за сутки, хвала всевышнему, оказалась в норме – один утопленник и пара пьяных драк. Вмешательства мэра явно не требуется. Докладная на санаторий «Лазурь»: опять спускают канализацию в море. Закрывать нельзя, путевки давно распроданы – придется в очередной раз штрафовать. А вот

и новая гнусность – Ассоциация турбаз и пансионатов разразилась давно ожидаемой кляззой: *«Позволим себе напомнить, что весной с.г. нами были выделены значительные средства на рекламную поддержку имиджа нашего города в центральной прессе. Однако, несмотря на то что мы перечислили деньги точно в срок, реальной рекламной кампании так и не последовало. В итоге мы терпим убытки из-за низкой заполняемости отдыхающими... Убедительно просим Вас незамедлительно начать публикацию агитационных статей».*

С тех пор как ветреные россияне повадились проводить отпуска во всяких Анталиях-Кипрах, Ивану Аверьяновичу приходилось из себя выпрыгивать, чтоб заманить в родной Суджук как можно больше туристов. Промышленности в городе практически не было: единственный заводик, винный, остановился еще на заре перестройки. Жители кормились только курортниками. И если раньше, в благословенные советские времена, городок без всякой агитации заполнялся туристами, как сельдями в бочке – в столовку по два часа в очереди стояли! – то сейчас приходилось изгаляться по-всякому, лишь бы заманить побольше отдыхающих. И штат дворников втрое расширили, и за общепитом следили (чтоб приезжих не травили), и парк засадили душистыми эвкалиптами – а русский непатриотичный народ все равно норовил спустить свои кровные где-нибудь за границей...

В этом году даже специальный рекламный фонд пришлось создать. Со всех турбаз-санаториев собрали денег, дабы пропагандировать курорт Суджук на ТВ, в прессе и по радио. Фондом, разумеется, поручили распоряжаться мэру.

Но, что скрывать, *дарить* денежки продажным журналистам не хотелось. Иван Аверьянович слишком хорошо помнил не такие уж давние времена, когда за курортную *халюву* журналист был готов написать что угодно. Почему бы и сейчас не попробовать, не приманить писак старыми, верными методами?

Для начала мэр приказал разослать в московские газеты заглазочку – приглашал пожить бесплатно в гостинице и написать, как бы в обмен, о городе-курорте Суджук. Однако все как один столичные СМИ приглашение проигнорировали. Напротив, принялись бомбить мэрию письмами: *«Предлагаем Вам опубликовать тематическую полосу о городе Суджук на страницах «Молодежных вестей». Оплата – 10 000 условных единиц плюс стоимость командировки специального корреспондента и фотографа».* Продажные шкуры. Нет бы приехать, покататься в море – и потом написать бесплатно, от души! Да и такие деньжищи за рекламу просят... А ведь весь с трудом собранный в Суджук фонд составляет только двадцать тысяч так называемых «у.е.». Да и с теми двадцатью штуками расставаться жалко. Лично мэру они нужны – жене машину пора покупать...

Иван Аверьянович вскоре повторил попытку – теперь он приглашал столичных писак на открытие самого большого на побережье аквапарка, с оплатой – черт с ними! – даже билетов на поезд. И снова – нахальная тишина в ответ. А негодяи из газетки «Молодежные вести» издевательски написали: *«Сожалеем, но открытие вашего аквапарка не является достаточно интересным информационным поводом, и публикация данного репортажа возможна только на коммерческой основе».*

А «отдыхательная промышленность» меж тем терпела убытки. Бог с ними, с квартирными хозяйками и простаивающими таксистами – с тех все равно замучаешься налоги выбивать. А вот кафе и рестораны – они все под контролем. А базы отдыха и санатории – вообще золотое дно! Но...

Мэр тревожно просматривал отчеты, присланные турбазами и пансионатами: мало курортников, мало. Где заполняемость на восемьдесят процентов, а где и вовсе наполовину. Наверно, все же придется ему платить. Тратить безналоговый, прекрасный черноталовый фонд на глупости – на рекламу.

– Верунчик, прайс-листы из газет принеси мне, – приказал он по селектору секретарше. Верунчик явилась немедленно.

– Самые свежие, Иван Аверьянович. Как раз утром сегодня прислали. По электронной почте.

Она положила на стол свежераспечатанную стопочку бумаг, легонько коснулась мэрского плеча крепкой грудью... Иван Аверьянович поморщился. Не до Верунчика сейчас. Не до ее скучных прелестей.

Так... Снова «Молодежные вести»: *«Информируем вас, что в связи с наступлением так называемого «высокого» сезона наши расценки на рекламу туристических услуг увеличены на пятьдесят процентов и составляют с 1 июля сего года 15 000 условных единиц за тематическую полосу».*

Савченко тихонько застонал. Чуткая Верочка тут же ворвалась в кабинет с кофейной чашечкой на подносе. На личике ее сияла триумфальная улыбка:

– Звонит журналистка из «Зазеркалья». Хочет, сказала, написать большой репортаж о Суджук. Просит лично вас о встрече.

– Какое такое «Зазеркалье»? – рявкнул мэр.

– Московская газета! – округлила ротик Верунчик. – Очень интересная, я всегда ее покупаю!

– Соединяй, – устало и удовлетворенно вздохнул мэр.

* * *

«Жулик. Донжуан. В былые времена – расхититель социалистической собственности. А теперь – расхититель всего, что попадет под руку», – составила характеристику Варя, разглядывая мэра из-под полуопущенных ресниц.

«Прохвостка. Стерва. А сиськи – будь здоров», – составил характеристику мэр. И широко улыбнулся:

– Ну-с, барышня, чем могу служить?

Барышня в ответ усмехнулась:

– Скорее это я вам... могу служить. Я приехала в Суджук написать большой, на полосу, репортаж о вашем курорте. – Она перехватила тревожный взгляд мэра и добавила: – Скажу сразу: денег за публикацию наша газета не берет. Но и сплошных панегириков – тоже не ждите. Что увижу – о том и напишу.

– А что вы хотите увидеть? – немедленно среагировал мэр. – Могу предложить прогулку на яhte, пикник в горах, любые экскурсии – конные, на дольмены, к водопадам...

Варя, не дослушав, перебила:

– Пожелания свои я выскажу позже. А для начала – хотелось бы услышать ваш комментарий. По поводу последних событий.

– Каких именно событий? – безоблачно улыбнулся мэр. – Открытие новой набережной, фестиваль «Южные ночи», праздник Нептуна?

– В первую очередь я бы хотела, чтобы вы озвучили официальную версию: что случилось на «дикий» автостоянке в Соленой Пади? Вы должны быть в курсе – ведь поселок Абрикосово входит в состав курорта Большой Суджук. Вам подчиняется.

Илья Аверьянович изменился в лице:

– А что? Что там случилось?

– Убийство. Погибли четверо отдыхающих, – отрезала Варя. – И мне по этому поводу нужен ваш комментарий.

– Значит, и вы прознали... – тоскливо протянул мэр.

Отпираться дальше смысла не было. А ведь специально говорил с Пашуковым из ГУВД, и тот клялся всеми святыми, что журналистов к этому делу и на пушечный выстрел не подпустят! «Даже в сводках убийство не проходит!» – божился полковник.

– Никто об убийстве пока не прознал, – поспешно успокоила мэра Варя. – И в официальных сводках этой информации действительно не было. Милиционеры ваши тоже о деле не болтают. О происшествии мне стало известно случайно. Так сказать, в частном порядке.

Мэр хмуро потер пальцем переносицу.

«Злится», – поняла Варя. И вкрадчиво сказала:

– Я прекрасно понимаю ваше волнение...

– Да ничего вы не понимаете! – вдруг взорвался мэр. – У нас весь город *сезона* ждет – ждет, как манны небесной! *Зимних* денег людям на хлеб едва хватает. Ну вот, дождались – сезон открылся, курортник поехал... И тут являетесь вы, журналисты, и начинаете нагнетать: маньяки! Убийства! А в подтексте: «Держитесь, граждане, подальше от Абрикосова, от Суджука, от Черноморского побережья в целом. Спускайте свои денежки за бугром, в Турциях да в Испаниях!» Вы что, не понимаете, кому на руку играете? На кого, получается, работаете? На греческих акул бизнеса работаете! На египетские гостиницы! Еще надо разобраться, кто вам там, московским журналистам, платит! За обгаживание родной страны платит! Кто – и сколько!

В продолжение монолога мэр все распалялся и распалялся, накручивал, заводил сам себя. Его лицо сперва покраснело, а затем стало угрожающе багроветь. «А ведь эдак его и insult прямо тут, в кресле, хватит», – хладнокровно подумала Варя.

Она не прерывала мэрскую тираду, а когда тот выдохся, произнесла:

– Иван Аверьянович, вы меня не поняли. Кто вам сказал, что я собираюсь сообщать в газете про убийство в Соленой Пади?

– Вы сказали! – рявкнул мэр. Он тяжело дышал.

– Ничего подобного, – пожала плечами Варя. – Я просто хочу знать, повторяю, официальную версию случившегося. А слухов и домыслов я уже набрала. Хватит! Мне теперь факты нужны, понимаете? И факты я предпочитаю получать в наивысшей в районе инстанции – то есть у вас лично.

Мэр на лезть не купился. Он с горечью сказал:

– А то я не знаю, *какие* вам, журналистам, нужны факты! Такие, чтоб людей пугать и тиражи делать!

– Иван Аверьянович, – покачала головой Варя. – Почему вы считаете, что я вам враг? Враг вашему курорту? Вы думаете, мне самой нравится, что россияне ездят отдыхать за границу? Зачем нам, – она намеренно выделила это *нам*, – курортников из России выживать? Возможно, я, – Варя вкрадчиво взглянула мэру в глаза, – я совсем про инцидент в Соленой Пади и упоминать не буду. А расскажу – про замечательный аквапарк, про новую набережную, про чистые пляжи...

– Удостоверение свое покажите, – неожиданно попросил мэр.

Варя молча продемонстрировала корочку «Зазеркалья». Мэр тщательно изучил ее книжицу, въедливо рассмотрел фотографию. Пробурчал:

– Не очень вы похожи на журналистку...

– А на кого же я похожа? – кокетливо улыбнулась Варя.

– Скорей, на радистку Кэт! – хмыкнул мэр. И стрельнул сальным взглядиком в вырез ее сарафана.

«Ты почти угадал», – усмехнулась про себя Варя. И мягко произнесла:

– Ну так что: расскажете про убийство?

– Давайте я вам лучше про аквапарк расскажу, – упрямо повторил мэр.

– А я про него и так знаю. – Варя быстро припомнила вчерашний монолог Вадика. – Открыт в этом году, семь взрослых горок, три – детские, площадь – десять гектаров, вода – плюс двадцать восемь, аттракционы – по французской лицензии, с сертификатами безопасности.

– Молодец. Пятёрка тебе, – саркастически похвалил мэр. – Тогда, – он перешел на «ты», – будь добра, объясни, зачем тебе нужно знать про убийство.

Варя устало вздохнула:

– Иван Аверьянович, давайте раскроем карты. Вам, вероятно, очень нужны положительные публикации о курорте. Но такие статьи в центральной прессе бесплатно не печатают. Только за деньги. Я же предлагаю вам сделку. Бесплатный – абсолютно бесплатный! – репортаж о вашем городе, Суджукке, и окрестных курортных поселках. На целую полосу репортаж. Тираж у нашей газеты большой – под пятьсот тысяч экземпляров. Но в обмен – мне от вас нужна информация по убийству в Абрикосове. И еще – ваше содействие, чтоб со мной в ГУВД поговорить согласились.

Упреждая следующий вопрос, Варя продолжила вранье:

– Дело в том, что я пишу диссертацию по криминальной журналистике. И для работы мне необходим анализ именно таких, как в Соленой Пади, неочевидных на первый взгляд убийств. Немного, м-м, загадочных. Не раскрытых сразу, по горячим следам.

Мэр сменил хищный, изучающий взгляд на добродушную улыбку:

– Зачем такой красивой девушке заниматься убийствами?

– Нравится, – усмехнулась Варя.

Иван Аверьянович секунду колебался:

– Да что же может быть интересного в обычной криминальной разборке? Ну, бандиты друг друга перестреляли в этой Соленой Пади – так нам же лучше! Воздух стал чище!

Варя вздохнула:

– Иван Аверьянович... На стоянке в Соленой Пади убита семья. Муж, жена и две дочери. А насчет бандитов – версия красивая, но неразумная. Лично я бы посоветовала вам следующее. Пусть ваши люди запустят в виде слухов другую. Допустим, приехала на стоянку компания молодежи. Не бандитов. А просто молодых – без тормозов – парней и их девиц. Вот они там и напились до чертиков, поссорились. И перерезали друг другу глотки.

– А версия с бандитской разборкой вас не устраивает? – задумчиво произнес мэр.

– Ну зачем сразу бандиты, Иван Аверьянович? – мягко укорила его Варя. – К чему людям знать, что в Соленой Пади, Абрикосове и Суджукском районе вообще имеются бандиты? Пьяная поножовщина – звучит куда спокойней. К тому же заодно – мораль: не употребляйте, господа, слишком много спиртных напитков.

Мэр внезапно принял покорный, затравленный вид:

– Допекла девка. Ну, допекла, а! Ладно, слушай. Только не для печати. Сошлешься на меня – опровержение в твою газету напишу. Было так. Об убийстве в Абрикосове сообщили около девяти вечера. Позвонили в местную милицию по мобильному телефону...

– Звонил Александр Смеян, тверичанин. Он приехал в Соленую Падь к своей девушке, Дине. Она отдыхала там вместе с родителями и сестрой. Александр застал на лесной стоянке страшную картину... – продолжила Варя.

– Все-то ты знаешь... – тоскливо протянул мэр. – Зачем тебе еще информация?

– Что именно, Иван Аверьянович, – мягко надавила Варя, – он там увидел?

– Все четверо были мертвы, – глухо сказал мэр. – Да что мертвы!.. Растерзаны. В клочья. Вся поляна – залита кровью.

– Отдельные фрагменты тел обнаружить так и не удалось. И – никаких следов? – Варя цепко взглянула в лицо мэру. – Что думают в милиции?

Тот отмахнулся:

– Да ничего они пока не думают. Устанавливают связи потерпевших, ищут свидетелей. Насчет следов говорят – их нет. Обнаружить не удалось. Погода стоит сухая.

– Никаких следов?

– Никаких. – Мэр бросил на Варю быстрый взгляд, сказал: – Ты неплохо подкована. От кого информацию получила?

– В милицейской сводке прочитала, – не растерялась Варвара. – В закрытой сводке. Еще в Москве. – Она лукаво улыбнулась мэру и с виноватым видом сказала: – У меня приятель в Министерстве внутренних дел работает. А им данные присылают отовсюду, со всей России. Информация, конечно, для служебного пользования, но мой друг очень не хотел, чтобы я на море без него ехала. Вот и рассказал, испугать решил. А мне, наоборот, интересно стало... Кстати о милиции. Можно вас попросить, Иван Аверьянович, – позвоните в ваше ГУВД. Предупредите, что я к ним зайду. Хочу поговорить с бригадой, которая выезжала на место преступления.

– Ну да, – усмехнулся мэр. – Ты пообщаешься с милицейской бригадой, а потом напишешь про аквапарк. И про нашу новую набережную.

– Я обещаю вам, – подняла глаза Варвара. – Про убийство в Абрикосове я писать не буду. Мэр криво усмехнулся. А она твердо произнесла:

– А благостный репортаж о курорте Суджуке сделаю.

– Все же я не пойму, – перебил Варю мэр. – Не пойму вашу позицию. – Он опять перескочил на «вы» и впился взглядом в ее лицо. – Кто оплачивает вашу командировку?

– Редакция, – пожала плечами Варя.

– И поручено вам писать...

– ... о курорте Суджуке. Плюсы и минусы отдыха в России. Кстати, когда статья будет готова, я вам ее обязательно пришлю – еще до публикации.

– А убийство в Абрикосове?

– При чем тут оно? Считайте, что интерес к нему у меня исключительно частный. Личный. Для моей собственной диссертации. А у нас с вами – интересы другие. Нам нужно граждан за курорт Суджук агитировать!

– Ну смотри... – внезапно легко согласился мэр. – Погляжу я, как вы, писаки, держите слово. И если соврешь – можешь в наш край больше не приезжать. Земля будет гореть под ногами!

Прямую и явную угрозу мэр сопровождал жестким взглядом прямо в глаза. А потом моргнул – и снова превратился в душку-начальника. Махнул рукой:

– Так и быть, иди в нашу милицию. Начальнику ГУВД я отзвоню.

* * *

«Грубовато я сработала. Не выше, чем на троечку по пятибалльной шкале, – самокритично оценила свой визит к мэру Варя. – Слишком много вранья нагородила. И, спрашивается, – зачем?»

Она присела передохнуть в уличном кафе. Официант пытался соблазнить ее ледяным пивом, но Варя мужественно отказалась. Совсем не нужно, чтобы менты из ГУВД унюхали спиртное. Пришлось потягивать жидкий кофе вкупе с безвкусной минералкой местного производства.

«М-да, наврала я мэру будь здоров, – думала Варя. – Налепила, что называется, горбатого. Диссертация по криминальной журналистике – ложь номер раз. Друг-милиционер из министерства – ложь номер два. Благостный репортаж про курорт Суджук в газете «Зазеркалье» – ложь номер три. Интересно, как мне, с математическим образованием, писать-то его? А фальшивые прайс-листы из газет – они как раз за полчаса до моего визита в мэрию по электронной почте пришли – одна эта туфта чего стоит!...»

Утром, после купания, Варя из своего номера с помощью ноутбука и телефона без труда взломала электронный почтовый ящик мэрии города Суджук. Обнаружила в нем гнев-

ное письмо, составленное ассоциацией санаториев и турбаз: господин мэр, извольте немедленно начать рекламную кампанию. «Очень для меня своевременно», – согласилась Кононова. Немедленно скачала из Интернета рекламные расценки московских газет, а также их фирменные бланки. И запустила в адрес мэра коммерческие предложения – вроде бы пришли они из трех влиятельных московских изданий. Пусть мэр просмотрит прайс-листы. Убедится еще раз, какие деньжищи просят за публикации. Тогда он воспримет перспективу бесплатной статьи в «Зазеркалье» как манну небесную.

Мэр ее и воспринял как манну – по крайней мере, согласился на встречу без звука. А вот потом, когда она упомянула убийства в Абрикосове, – разговор пошел наперекосяк. Слишком много Варя пришлось этому Аверьянычу наболтать. Слишком много – и не все умно.

Одно утешение – мэр города Суджук не произвел на Варю впечатления Макиавелли. Авось ее байки проглотил. Авось кривая вывезет...

Варя залпом допила кофе, с отвращением отодвинула пахнущую сероводородом минералку и отправилась в милицию, на встречу с начальником суджукского ГУВД полковником Пашуковым.

* * *

Едва журналистка из «Зазеркалья» покинула его кабинет, мэр города Суджук поднял телефонную трубку. Набрал номер. Не здороваясь, сказал своему собеседнику:

– В город явилась девка. Звать – Варвара Кононова, журналистка из газеты «Зазеркалье». Мне она очень не нравится. Много врет. И лезет, куда не надо. Прими, пожалуйста, меры.

* * *

Горотдел милиции располагался в чудесном месте – посреди тенистого, засаженного платанами парка. «Тут бы санаторий поставить, – подумала Варя. – Или на худой конец – дискотеку: хоть музыка мешать не будет. Так нет же – выстроили ментовку».

Здание ГУВД выглядело устрашающе: обшарпанное, все в строительных лесах, вместо входных ступеней – наклонная досточка. Варя замешкалась, не рискуя становиться на шаткую доску, – и немедленно получила предложение о помощи. Разморенный солнцем маляр подал ей ручку. Затем уговорил вместе перекурить. И долго болтал – многоречиво и не по делу. Зато Варя узнала, что средства на ремонт ГУВД выделены из городского фонда. Что фирма-подрядчик обещала состряпать современную вентиляцию, сияющие кафелем туалеты и навесные потолки – в рекордно короткие сроки. Но тут начался летний сезон, строителей перебросили на более денежные объекты, и ремонт в ГУВД перешел в вялотекущую стадию. Старая вентиляция уже не работала – а новая пока не начала. Сортиры закрыли – но сантехнику не поменяли. Краску завезли – но красить не начали... А он, маляр, здесь вроде как для вида, и в него все шишки летят. Все без исключения сотрудники – от рядового-стажера до самого полковника Пашукова – не менее трех раз на дню поминают недобрым словом «растреклятый ремонт» и бегают по нужде в расположенное поблизости кафе. (Его хозяин против визитов не возражает и даже выплаты урезал своей «крыше»: меня, мол, менты охраняют – из моего же сортира.)

Варя еле дождалась, покуда словоохотливый маляр загасит свою сигаретку, торопливо попрощалась и вошла наконец внутрь. В нос немедленношибануло страшнейшее амбре – запахи краски и мастики причудливо смешивались с ароматами, исходящими от задержанных бомжей, – и Варя не удержалась, чихнула. Осмотрелась. М-да, криминальная ситуация в Суджук не из лучших. Есть, есть чем заняться суджукским милиционерам.

ГУВД гудело громче потревоженного осиног улья. «Обезьянник», до отказа наполненный задержанными, возмущался, ворчал и пел пьяными голосами. Пробегали милиционеры

– все как один с озабоченными лицами. У стеклянного окошка дежурного толпились возбужденные курортники – по виду жертвы карманников. Никто ими не занимался. А разгоряченный дежурный хрипло кричал кому-то в телефонную трубку: «Нет у меня машин, нет! Все на выезде!»

К окошку Варя решила не прорываться – обворованные курортники держали глухую оборону и всем своим видом показывали, что без очереди – никого не пропустят. Кононова предпочла действовать неформально: принялась, откуда потягивает дымком, и без труда нашла курилку.

Здесь было спокойнее, милиционеры смолили вонючие сигаретки «Дон» и встретили ее довольно приветливо.

– Тоже кошелек сперли? – со знанием дела поинтересовался юный сержантик. – В шестой кабинет иди, сейчас подойду...

Варя терпеливо вынесла уже навязший в зубах визуальный осмотр – ноги, попа, грудь – и сказала:

– Вообще-то я – к Пашукову. Не подскажете, где его искать?

– Прямо к самому Пашукову? – округлил глаза сержант. – А он вас ждет?

– Ждет, – отрезала Варя. – Так где его кабинет?

– На третьем, триста десятый, – разочарованно вздохнул сержантик. На прощанье еще раз окинул взглядом Варины формы и крикнул вслед: – Только аккуратней иди, там лестницу разобрали...

По пути на третий этаж Варя действительно пару раз едва не свалилась – добрая половина ступенек отсутствовала. «Как они тут работают?» – думала она, стучась в кабинет Пашукова.

Впрочем, полковник не произвел на нее впечатления измученного служаки. Огромный, красномордый, он скорее походил на давно и успешно отдыхающего на курорте человека.

Встретил Пашуков ее ласково. Радостно воскликнул:

– А, вот и наша диссертантка пришла!

Глаза его, правда, смотрели недобро и строго. «Дел – полно, ремонт – достал, а тут еще с тобой возись», – прочитала Кононова в его взгляде.

Варя сделала вид, что не удивилась ни напускной радости полковника, ни непривычному в устах милиционера слову. Она – диссертантка, подумать только!

Пашуков самолично провел ее от входной двери к столу, отодвинул кресло. Сам уселся не на начальственный трон, а напротив: разговор, мол, пойдет дружеский, неформальный.

«В доброго следователя играет», – решила Варя. Хотя представить начальника горотдела милиции *добрым* было сложно. Она на всякий случай отказалась от любезно предложенного кофе – вдруг разговор выйдет совсем коротким? – и поспешила перейти к делу.

– Я так поняла, Иван Аверьянович вам уже позвонил, – начала Варя.

– Позвонил, позвонил, – закивал Пашуков. – Рассказал про москвичку, красавицу, аспирантку... Как тема-то называется?

Варя не сразу поняла, что полковник имеет в виду тему диссертации. Но сообразила, оттабанила: «Особенности освещения уголовных преступлений в региональной и центральной прессе».

– В МГУ пишешь? – со знанием дела спросил начальник.

– В МГУ, – кивнула Варя, молясь всем богам, чтобы полковник не стал уточнять, на каком факультете. Впрочем, в любом случае легко выяснить: никакая Варвара Кононова в аспирантуре столичного госуниверситета не числится. Ни на одном из факультетов.

– Тема хорошая, – одобрил Пашуков. И, простодушно улыбаясь, предложил: – Содействие не требуется? Сегодня вечером, например, – профилактический рейд в казино, могу в состав группы включить. Или, если желаете, вместе с ребятами подежурьте, поездите по сигналам...

«Только казино мне не хватает», – быстро подумала Варя. И немедленно залучилась ответным добродушием:

– Спасибо, товарищ полковник, но главу по нетяжким преступлениям я уже подготовила. Мошенничества там, кражи, грабежи. А вот с убийствами – возникли сложности. – Она приняла глуповато-восторженный вид и посетовала: – Не происходит у нас в стране таинственных, загадочных убийств! Одна бытовуха! Но согласитесь: как скучно, когда жена бьет мужа сковородкой и наносит ему черепно-мозговую травму, несовместимую с жизнью...

– Или муж, – сказал Пашуков.

– Что-что? – не поняла Варя.

– Говорю: или муж бьет сковородкой жену. У нас, в Суджукке и такое случается.

«Смотри, как бы тебе самой сковородкой не попало», – перевела мысль начальника Варя. Она покорно склонила голову:

– В общем, меня очень заинтересовало убийство в Абрикосове. Хотелось бы знать подробности. Поговорить с операми, кто на место выезжал. И еще – на тела бы взглянуть, если можно. Кстати, оружие убийства уже установлено?

– Сразу тебе – оружие... – проворчал Пашуков.

– На месте преступления его, значит, не обнаружили, – мгновенно среагировала Варя.

– Шустра... – недобро усмехнулся полковник. Но подтвердил: – Не обнаружили.

– И следов – не было? И отпечатков? – продолжала наступать Варя.

– Нет, – легко согласился полковник.

Глаза его улыбались. «Врет? Не врёт?» – ломала голову Варя.

– А следы разрушений в лагере имеются? – вкрадчиво спросила она.

– Машина потерпевших – цела. Палатка – в клочья.

– А документы, деньги?

– Документы нашлись при них. Денег – ни копейки. И кошельков тоже нет. Ни у кого.

– Время убийства определили?

– 15 июля. Восемь вечера. Плюс-минус час.

«Пожалуй, все же не врёт», – решила Варя. И перешла в наступление:

– А с операми мне поговорить можно? Ну, с теми, кто на место выезжал?

– Можно, – легко согласился Пашуков.

Варя внутренне возликовала. А полковник, усмехнувшись, добавил:

– Но только – через неделю.

– То есть как – через неделю? – не поняла Кононова. – А почему не сейчас?

– Отпуска, командировки, разъезды, – развел руками Пашуков.

«Ах ты, хитрая тварь! – возмутилась (разумеется, про себя) Варя. – Врет ведь – и не краснеет. Только спорить с ним бесполезно. А за его спиной в ГУВД шустрить – тоже бессмысленно. Никто из ментов ничего без санкции начальства не расскажет».

Она постаралась взять себя в руки и спокойно сказала:

– Нет так нет. А на трупы погибших я могу взглянуть?

– Можете. Но – не сегодня. – Пашуков явно над ней издевался.

– Когда же? – подняла брови Варя.

– Завтра мне позвоните. – Полковник перекинул ей визитную карточку. – Скажите, что Кононова, секретарша сразу соединит.

«То есть трубку ты не снимешь», – поняла Варя.

– А вы не будете возражать, если я съезжу на место преступления? – спросила она.

– Езжай, – равнодушно отвечал Пашуков. От его напускного дружелюбия не осталось и следа. – Оцепление уже сняли.

Он презрительно сощурился и добавил, явно издеваясь:

– Найдешь какую улику – звони.

* * *

«Ну что ж, подводим итоги утра», – думала Кононова.

Она задумчиво брела по платановой аллее по направлению к гостинице. На улице стояла исключительная жара. Встречный дедушка в шляпе канотье осуждающе посмотрел на Варину непокрытую голову, покачал головой, пробормотал:

– Что ж вы, девушка, по такой погоде – и без панамки!

– Спешила на работу. Забыла, – оправдалась перед заботливым дедом Варя.

«Тьфу, дура, что ж я вру-то все время? Даже сейчас, не по делу, и то вру... Нет у меня никакой панамки, сроду я их не носила... Ладно, бог с ней, с панамкой... Итак, чего же мне удалось добиться? Да, в общем, почти ничего. Засветилась везде, где можно, наболтала людям с три короба, а узнала – шиш да кумыш».

От обеих сегодняшних встреч – что с мэром, что с начальником ГУВД – остался кислыватый, тягостный осадок. Визит московской штучки был явно неприятен и районному голове Ивану Аверьяновичу, и полковнику Пашукову. Варю не покидало странное ощущение: и мэр, и полковник теперь станут за ней *присматривать*.

«Да что за чушь? Подумаешь, московская наивная журналистка... Зачем я им нужна? Присматривать еще за мной!»

Но Варя сама себе возразила: «А затем я им нужна, что нечего чужакам соваться в местные проблемы. Тем более – в *серьезные* проблемы. Пашуков же ясно сказал: на обыкновенный рейд в казино – пожалуйста, поезжай, а в настоящие, реальные дела – не суйся. Я, конечно, ему позвоню. И завтра, и послезавтра. Не возьмет трубку – подкараулю. Не поймаю полковника – поеду в морг сама. Опять что-нибудь сокру, чтоб прорваться... Что, в морге нет корыстолюбивых санитаров? Или патологоанатомов-сластолюбцев? Что ж я сразу-то до этого не додумалась?»

Точно, пора снижать планку. Подбираться к *делу* через людей рангом пониже. Чего заикливаться на этих властителей? Если чиновник – то сразу мэр, если мент – то не меньше, чем начальник ГУВД. Будь ближе к народу, Варя».

Кононова прикинула: кто из *народа* может быть в курсе убийства в Абрикосове. Получилось, что многие, и у Вари сразу поднялось настроение. «Времени – только час дня. Весь день впереди! – подумала она. – И начнем мы – с того парня, кто обнаружил трупы. Вряд ли он уже уехал из Суджука. И фамилия его мне известна – Александр Смеян. Будем надеяться, что он живет не в частном секторе, а в гостинице.

А отель в Суджуке, кажется, только один...»

* * *

Варя вошла в гостиницу и в изумлении остановилась на пороге. Тоже мне, курорт, разгар сезона, середина дня... В вестибюле ни души. Вертолетиками гудят мухи. Газетный и цветочный киоски – закрыты, стойка администратора – пуста, в пепельнице на ней угасает одинокий окурок. «Будто все вымерли, и только привидения по ночам приходят, – вдруг подумалось Варе. – Как в этом ужасном фильме с Джеком Николсоном... «Сияние», кажется». Секунд-другую она растерянно стояла в гулкой тишине, борясь с желанием бежать прочь из гостиницы. Потом устыдилась глупых, мистических мыслей, прошла к стойке и бодро застучала монеткой, призывая портье. Недовольная администраторша явилась откуда-то из недр – ходят, мол, тут, отвлекают – и вызывающе зевнула:

– Номер какой?

– Двести шестой.

– Да неужели?! – вдруг оживилась тетенька.

– А в чем дело? – не поняла Варя.

Ключница хмыкнула:

– Да так... ни в чем.

Она цепко оглядела Варвару, шваркнула ключом о стойку и потянулась уходить.

– Одну минуточку, – остановила ее Кононова. – Не подскажите, в каком номере остановился Александр Смеян?

– Сме-я-ан? – прозвучал недоуменный вопрос.

Варя поспешно произнесла:

– Впрочем, я не уверена, что он живет именно здесь.

– Да нет, почему же... здесь и живет, – протянула администраторша. – А зачем он вам нужен?

– По личному делу, – отрезала Варя. Она уже начала злиться на этот въедливый провинциальный допрос.

– Номер двести шестнадцатый, – сообщила администраторша, даже не взглянув в списки гостей. И ехидно добавила: – Очень удобно, совсем рядышком с вами.

«Ах ты, старая перечница!» – разозлилась Варвара. Вслух кротко спросила:

– Не подскажите, Смеян сейчас в номере?

– Я за ним не слежу! – отрезала тетка.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила Варвара. Внутри у нее все бушевало. «Да успокойся ты! Что тебе до этой коровы!» – уговаривала она себя. Но все же не удержалась, крикнула вслед покидающей пост администраторше: – А ключи вы зря без присмотра бросаете! Номера обворуют – вам потом вовек не рассчитаться!

Та пробурчала в ответ что-то нечленораздельное. Слов Варя не расслышала – Впрочем, смысл сказанного был ясно написан у тетеньки на лице.

«Ну вот, теперь уж точно можно подвести итоги утра, – весело думала Кононова, топая прочь от администраторской стойки. – Время прошло не зря, перессорилась абсолютно со всеми. Не все врут медицинские календари».

В свой номер Варя не пошла, повернула от лестницы в другое крыло, к двести шестнадцатой комнате.

Долго колошматила в дверь – сначала робко, потом кулаком. Но – тщетно.

А. П. Смеян из Твери, обнаруживший погибших, отсутствовал. Или – слишком крепко спал.

«Отыщем. Никуда не денется, – не расстроилась Варя. – Найдем. И – разговорим».

Отчего-то ей казалось, что гражданин Смеян не откажется с ней пообщаться. Наоборот, будет только рад. Он в городе Суджук – тоже чужак. А пришлых, как она уже поняла, здесь не любят. И вряд ли суджукские менты были особенно любезны с тем, кто обнаружил трупы и сообщил об убийстве. Кононова почти со стопроцентной уверенностью могла предположить, в какой форме Смеяна допрашивал какой-нибудь местный милицкий фрукт. В грубой форме, это уж однозначно. «Менты ведь как считают – не только здешние, а вообще – все менты: раз первым трупы нашел – значит, ты и будешь первым подозреваемым. Наверняка на парня давили, хотели дело раскрыть по горячим следам, требовали, чтоб в убийствах признался... А вот я, – решила Варя, – на Смеяна давить не стану. Наоборот, дам ему душу излить. Зачем, интересно, он приехал в Соленую Падь? Возможно, к одной из погибших девушек?»

Варя вернулась к своему номеру, отперла дверь и едва не задохнулась от жары. Прямо в коридорчике скинула жаркий сарафан – хоть чуть-чуть бы проветриться. Голышом прошла в комнату – и в изумлении застыла на пороге.

На прикроватной тумбочке красовалась вызывающе огромная корзина цветов.

«Подарок от заведения?» – юмористически подумала Варя и хмыкнула: уж больно не вязалась убогая гостиница с роскошными розами в номере. Кононова осторожно, подозревая подвох, приблизилась к корзинке. Дотронуться до цветов не решилась. Саму себя обругала: «Тьфу, дура. Думаешь, бомбу подсунули? Прямо в гостиницу? Да кому я нужна!»

Она потянулась было к телефону – звонить на «ресепшн» и разобраться, кто посмел бродить по ее номеру, – как вдруг заметила, что на одной из розочек болтается на шелковом шнурочке маленькая открытка. Нетерпеливо сняла, открыла: «*Спасибо, девонька. Андрей Смоляков*».

Ее вчерашний «Ален Делон». Незадачливый автогонщик. Администраторшу, значит, подкупил – чтоб выказать свою глупую благодарность. То-то тетка на нее пялилась – наверно, гадала, чем постоялица заслужила такую корзиницу.

«Тьфу, пакость!» – ругнулась Варвара. К цветам она была равнодушна – а огромные пафосные букеты и вовсе не переваривала. Какая чушь – платить огромные деньги за эксклюзивную корзинку и красную дрянь на зеленой ножке!

Первая мысль была – выкинуть цветы к черту. В окошко. На головы беззаботно фланирующим курортникам. Но от неразумного поступка Варя все же удержалась. Просто перенесла розочки в угол, подальше от кровати – нечего вонять прямо под носом. А то за ночь нанюхалась и утром проснешься с головной болью.

Оставаться в номере, пропахшем жаркими розами, решительно не хотелось. Да и незачем, дел еще полно. Варя быстро переделась в чистенький сарафанчик, умылась тепловатой ржавой водой и покинула комнату. «Никакой защищенности в этих гостиницах. Никакой частной жизни», – сердито думала она. Спустилась в фойе, снова достучалась до ключницы и сердито сказала:

– Пожалуйста, больше в мой номер цветов не носите. – Секунду подумала и добавила: – Лучше бы пол подмели!

* * *

Полковник Пашуков внимательно разглядывал ксерокопию регистрационной карточки – ее только что прислали из гостиницы «Черноморской» на его личный факс. Копия получилась качественной, и начальник ГУВД города Суджук мог внимательно рассмотреть ее. Почерк бойкий, подпись – заливчатая, паспорт, постоянная прописка и место работы – в порядке: «*Кононова Варвара Игоревна, 25 лет, корреспондент газеты „Зазеркалье“, москвичка, в столице проживает по адресу: ул. Байкальская, дом 18, корпус 2, квартира 133*».

Все чисто. Но все же, все же...

– Корреспондентка, говоришь... – задумчиво протянул Пашуков.

В ГУВД города Суджук пресс-секретаря не имелось, со всеми журналистами, прежде чем допустить их к освещению процесса, общался сам Пашуков. Так что насмотрелся на журналюг во множестве и знал, с чем их едят.

– Не похожа ты на корреспондентку, – бормотал он. – И тем более не похожа на аспирантку.

Он припомнил, сколь крепко выглядят Варины бицепсы, безответственно открытые сарафанчиком, вызвал в уме ее взгляд – острый и цепкий, словно у снайпера. «Думает, мы здесь идиоты, – злорадно подумал он. – А мы – совсем не идиоты».

Придется его столичному соратнику поработать.

Полковник поднял телефонную трубку. Москва ответила мгновенно: днями линия свободна, курортнички звонят домой вечером, когда подешевле.

– Пашуков побеспокоил... Пожалуйста, запишите. – Он продиктовал данные Кононовой. – Теперь – просьбы. Первое: проверить, имеется ли такая по домашнему адресу и месту

работы. Второе: есть информация, что Кононова – аспирантка одного из гуманитарных факультетов МГУ. Прошу подтвердить или опровергнуть. И третье: нужно достать ее послужной список – что заканчивала, где работала. Задача ясна? Действуйте.

* * *

Суджукская газета «Прибой» располагалась в уютном особнячке, совсем рядом с пляжем. «Домик – метров на двести, ремонт неплохой, до моря – два шага. Самое то, что надо для жилья. Беру», – решила Варя.

Вахтера на входе не имелось. Кононова тихонько прокралась мимо кабинета с золоченой табличкой «Главный редактор» – «Хватит на сегодня главных! Нам бы кого попроще...» – и нырнула в волны «Прибоя». Редакция пустовала, никто по коридорам не носился, гранками не размахивал. «Уже расползлись, что ли? Или по кабинетам сидят?»

На одной из дверей Варя усмотрела табличку «Корреспонденты». Она, хоть и далека была по жизни от журналистики, удивилась. Ей всегда казалось, что в газетах обычно есть отделы – кто-то ведаёт публицистикой, кто-то – происшествиями. Но, поди ж ты, в «Прибое» всех журналистов засунули скопом в одну комнатуху. «Интересно, сколько их там?» – подумала Варя, открывая дверь.

Корреспонденты «Прибоя» были представлены единственным экземпляром. Молодой человек в майке навыпуск и наглых полосатых шортах поднял на скрип двери голову. Углядел Коонову, махнул:

– Заходи!

И с места в карьер спросил:

– Курить чего есть?

Варя, наслышанная о местных вольно-наркотических нравах, ответила:

– Есть, но только сигареты.

– А косяки я на работе и не курю, – обиделся парень. И протянул ей перепачканную чернилами лапу: – Я – Кир. В смысле – Кирилл.

– Варя.

Кир вцепился в ее ладонь что есть силы. Другая б взвизгнула и присела. Варя же, внутренне улыбнувшись, ответила на рукопожатие от души.

– Ф-фу, – потряс ладонью Кир, – культуристка... Ладно, будем знакомы. Сидай. – Он широким жестом сбросил со стула ворох газет. – С чем пожаловала?

Варя оглядела кабинетик. Три стола, компьютер помещается на единственном. А бедняга Кир кропает даже не на машинке, а от руки.

Смешной старый телефон с круглым диском, присыпанные пеплом кактусы на окошке, обои с трогательными цветочками. И повсюду, включая подоконники, пол и стулья, – горы газет, журналов, вырезок, папочек, бумаг...

– Уютно тут у вас, – искренне похвалила Варя.

– Уютно, – согласился Кир. – Рад, что наши с вами понятия о порядке совпадают. А вот девки, в смысле коллеги, ворчат, что я бардак здесь развел... Ну, так чем могу?.. – закончил он лирическое отступление вопросом.

– Я из Москвы, из газеты «Зазеркалье».

– Знаю-знаю, – кивнул Кир. И, встретив Варин непонимающий взгляд, поправился: – Газетку вашу знаю. Мистика-хренистика. Но тиражи, говорят, крутые.

– Тиражи – крутые, – согласилась Варя. – А зарплата – так себе. Борзыми щенками платят. Вот, прислали на халыву на ваш курорт... Велено восхвалять.

Кир встрепенулся:

– Это сколько ж ты с нашего Аверьяныча содрала?

– С мэра? С Савченко? – хмыкнула Варя. – Увы, ноль рублей и ноль у.е. Строгое указание: денег за публикацию не брать.

– Чушь! – припечатал Кир. – Наивное ты создание! Твой главный, значит, этот вопрос без тебя решил. Получил бабло по безналу. Или в конвертике.

– Ну, может быть, – легко согласилась Варя. – Мне, что ли, плохо? Билеты купили, за гостиницу платят, суточные – дают.

– Ну и как тебе на нашем курорте? – хмыкнул Кир. – Есть чего восхвалять?

Варя отмахнулась:

– Восхвалить мы всегда успеем. Я тут случайно про Соленую Падь узнала...

Кир аж подпрыгнул:

– Ух ты! Откуда?

Варя решила не громоздить новую ложь и повторила легенду, уже рассказанную мэру: мол, об убийстве ей рассказал московский приятель из министерства.

– Отлично! Просто отлично! Вот и хрена им всем! – неожиданно отреагировал Кир.

– Ты о чем? – не поняла Варя.

– Да о секретности их долбаной. Совсем на ней помешались. Сталинизм какой-то, цензура, тридцать седьмой год! – Кирилл жадно закурил новую сигарету из Вариной пачки. – Вчера на редколлегии выступал, убеждал их, козлов: давайте хоть информашку дадим! А они – ни в какую.

– Кому же сейчас охота сор из избы выносить? – пожала плечами Варя. – Нынче сезон, курортники...

– Вот-вот, курортники. Так мы могли бы хотя б предупредить дорогих гостей! А так – скоро их всех перережут. Думаешь, только в Соленой Пади дикарем отдыхают? Да в одном Абрикосове этих стоянок палаточных – как грязи. И справа от поселка, и слева. И вообще они – по всему побережью! Ни охраны нигде, ни сторожей, никого. Обороняйся как хочешь – хоть монтировкой, хоть шампурами. А в лесах еще – экспедиции живут.

– Какие экспедиции? – не поняла Варя.

– Ученые. И с ними дети – типа археологических кружков на выезде. Помощнички. Черепки всякие ищут, в дольменах роются. Стадо школяров плюс два-три взрослых. Детишки лет по тринадцать. Интересно, кто их защитит, если что? – Кир возбужденно вскочил. – Ладно, репортаж из Соленой Пади они печатать не захотели. Так я сегодня другую заметку сдал, триста строк. Заголовок, оцени, – «Ужас на крыльях ночи». Об убийстве там я мимоходом пишу, легким пером. А главная мысль: будьте бдительны, граждане. Объединяйтесь. Так что ты думаешь – тоже завернули, гады! Спятил, говорят, ты, Кирилл, отдыхающих хочешь нам распугать?! А я еще в прошлом году их предупреждал, после Медвежьего: этот маньяк так просто не успокоится.

– А я думала, насчет Медвежьего – это болтовня, – протянула Варвара.

Она сразу вспомнила подслушанный вчера разговор двух мальчишек.

– Ни фиги ж себе болтовня! – взвился Кирилл. С ловкостью Кио он выудил из груды бумаг ежедневник, лихорадочно пролистал: – Ага, вот оно. Пятнадцатого июля прошлого года, в семь сорок утра. Сигнал поступил от рыбаков. Я с ними потом встречался, все выведал. У них на Медвежьем тайник был, сети они там хранили...

Варя, любившая ясность во всем, перебила:

– А что, сети в лодку нельзя погрузить?

– Сразу видно москвичку, – насмешливо сказал Кир. – Знаешь, какие они тяжелые? Да и зачем каждый раз с собой таскать, погружать-выгружать? Они их раскидывают у Медвежьего – и хранят там же, в нычке... И вообще, что ты по пустякам перебиваешь!

Варя смиренно склонила голову. Кир сменил гнев на милость и продолжил:

– Ну так вот. Рыбаки наши отправились с утречка браконьерить. Пришли туда на своей колыхаге, швартанулись. А в Медвежье, как на всем побережье: внизу дикий пляж, потом гора, на ней сосны. Рыбаки в принципе наверх лезть и не собирались – тайник у них в стороне. Да один из парней заметил: островок гальки на пляже залит красным. Небольшой такой островок, сантиметров тридцать в диаметре. Они еще заспорили, что это: то ли краску разлили, то ли курортники ящик с красненьким грохнули. А потом видят: рука валяется. Женская. С маникюром. С колечком. Тут им и поплохело... Хотели сразу свинтить, но потом все же решили осмотреться. Прошли по пляжу – ничего. Ну и полезли на гору, на разведку, – один другого «на слабо» взял. А там – вообще трындец, они об этом до сих пор говорить не могут, синеют, бледнеют. Короче, мужик и баба расслаблялись. Наши, из Суджука. Мужик, – Кирилл взглянул в свои записи, – Овчаров Дмитрий Борисович, он же Овчар, местный брателло. Ну и баба – под стать: Кривенко Оксана Евгеньевна, безработная – короче, бабочка.

– Проститутка? – уточнила Варя.

– Да нет, просто *давалка*. За колечко давала да за рюмку кампари... Прости меня, господи, что я так о покойной. – Кирилл истово перекрестился и тут же продолжил деловым тоном: – Ну и слушай: этого Овчара, считай, по кускам собирали. По моим данным, – он снова взглянул в свою книжицу, – труп состоял из пяти фрагментов. А голову – так и не нашли. Ну и девице тоже досталось: руки-ноги на месте, только кисть оторвали и с горы скинули, но раны такие, будто к ней вампир присосался или вепрь погрыз.

– Это какой же должен быть вепрь... – пробормотала Варвара.

– Вот-вот. А мы в «Прибое» в тот день про собачку мэра писали. На целую полосу.

– Чего? – удивилась Варя.

– Ну, у Аверьяныча шавка какая-то есть, с медалями. Вот и давали фотоочерк: мэр на прогулке, мэр на собачьей выставке...

– Слушай, а как же этот Овчар с девушкой попали в Медвежье? Туда ж вроде дороги нет, – перевела разговор Варя.

– Тоже морем, а как еще? На яхте пришли.

– Рыбаки яхту видели?

– Не видели. Потому что ее там и не было. Ее потом в море поймали, уже в нейтральных водах. Двигатель не работал, паруса опущены, якорь поднят.

– А отпечатки? – с надеждой спросила Варя.

Кирилл усмехнулся:

– Менты землю носом рыли. Наши *бабочки* жалились, что у них у всех пальчики снимают. Кого хоть раз с Овчаром видели – пожалуйста в ментовку. Ну и – вроде ничьих посторонних отпечатков на яхте не нашли. Только овчаровские друзья да овчаровские бабы...

– Ну а версии-то какие были?

– Идиотские, – отрезал Кирилл. – Основная: стрелка-разборка. Передел сфер влияния. В общем – полная лабуда.

– Почему? – не поняла Варя.

– Да потому, что Суджук наш – давно поделен. У Овчара – своя поляна, у Кривого – своя, у Смолы – тоже.

– Ну и, допустим, Кривой посягнул на территорию Овчара. А Овчар стал возражать.

– И за это Кривой оторвал ему голову, – издевательски закончил Кирилл. – Ты хоть думай, что говоришь! Пары пуль бы вполне хватило, зачем башку-то откручивать!

– В общем, разумно, – задумчиво кивнула Кононова. И, взглянув в жаждущие одобрения глаза журналиста, добавила: – Молодец ты, Кирилл, соображаешь! Ну, а какие еще версии были?

– Одно время думали на каратистов. Они у нас тут приезжают на лето: живут в лесу по сорок братков в палатке. Целыми днями ногами машут. Тренируются.

- Спортшкола? – уточнила Варя.
- Нет, какая-то партия. Политическая. На природе желают тренироваться. Баркашовцы или кто там еще, не знаю.
- Ну, а им зачем убивать?
- Менты предполагали: может быть, что-то вроде выпускного экзамена? Ну, типа посвящение в джедаи... Но доказать ничего не смогли: каратисты стояли насмерть – мы, говорят, только *бьем*, но не убиваем. Что еще? Шизофреников всех местных проверили, бывших экзов, чурбанов... Две секты в городе есть: их как следует прошерстили...
- Секты? Интересно! – оживилась Варвара. – А что они исповедуют?
- Одна – безобидная, какие-то там свидетели...
- Иеговы?
- Не помню. Наверно. А вторая – покруче. Сатанисты. К этим прикопались конкретно. Шеф у них – личность колоритнейшая. Огромный, бородатый. Тяжеловес. В том году на Дне города выступал: гири тягал тяжеленные. Климом зовут. И народу у него в секте – до фига. Правда, в основном молодняк. Они, знаешь, чего исповедуют? Что очиститься можно только кровью. Кошаков отлавливают, на куски режут. – Кирилл понизил голос: – Мне, знаешь, чего удалось разузнать? Страшный секрет, старлея из ГУВДа неделю поил! У этого Клима в холодильнике нашли кошку. В смысле – труп кошки. И... – Кир заглянул в свои записи, зачитал: – *«Картина расчленения совпадает с характером повреждений, нанесенных Овчарову»*. Тренировался на кошках, значит... Только на ту ночь, когда все в Медвежьем случилось, у него крепкое алиби. Семь свидетелей подтвердили.
- Обвинение ему предъявляли?
- В чем? – удивился Кирилл. – Говорю ж тебе, у него алиби есть.
- Жестокое обращение с животными, статья двести сорок пятая, часть вторая, – щегольнула Варя. Память у нее хорошая, номера статей из кодекса она выучила за пару вечеров. Думала, когда-нибудь пригодится. Вот и пригодилось...
- Кирилл фыркнул:
- Не, мы тут, в Суджук, до таких уголовных дел, за кошаков всяких, еще не доросли. Какая статья, говоришь? Это из нового кодекса? Надо будет запомнить.
- Значит, не конкуренты, не каратисты, не секта, – подвела итог Варвара. – Кто же?
- Маньяк. Маньяк-одиночка, – убежденно сказал Кирилл.
- И как же он справился – сразу с двоими? Ну девушка – ладно, а этот Овчаров – наверно, ведь крепкий был парень? – воскликнула Варя.
- Менты установили: нападение произошло... ммм... в момент сексуального контакта. Увлеклись Овчар с Оксаной Евгеньевной. Не ожидали. Не заметили.
- «Неужели можно *до такой степени* этим увлечься?!» – мимолетно удивилась Варя.
- А как маньяк попал в Медвежье? Тоже морем? – поинтересовалась она вслух.
- Пограничники в тот день засекли моторку. Засечь-то – засекли, а преследовать не стали. Пьянствовали, наверно... На начальника погранзаставы потом мэр телегу писал.
- Кир, ты настоящий сыщик! – Варе даже не пришлось разыгрывать восхищение. – Как ты все это узнал, если дело засекречено?
- Личные связи, – с довольным видом зарделся Кирилл. – Плюс здоровое любопытство. Плюс затраты на выпивку.
- Слу-ушай, – протянула Варвара, – а еще одну вещь ты заметил? Когда, говоришь, убийства в Медвежьем случились?
- Пятнадцатого июля. В прошлом году.
- А в Соленой Пади?

– Ну ни хрена ж себе... – пробормотал Кирилл. Глаза его округлились: – Пятнадцатого... июля... В один и тот же день! Год спустя – в один и тот же день! Это что же получается?! Убийство по календарю?! Ритуал?!

– Не знаю, – пожала плечами Варя. – Но, согласись, совпадение настораживает.

Настораживало ее и еще кое-что.

– Извини, Кир, я чуть-чуть отвлекусь. Помнишь, ты рассказывал про ваших городских мафиози? Овчар, Кривой и... как там третьего зовут?

– Смола. Андрей Смоляков.

Та-ак, интересненькое совпадение... Варя вспомнила своего вчерашнего знакомого. Спросила невинно:

– А кто такой этот Смоляков?

– Буржуй Буржуинич. Хозяин наш.

– В смысле какой хозяин? – оторопела Варя.

– Акционер супергазеты «Прибой». Пятьдесят один процент акций. Ну и еще по мелочи: два ресторана, АО «Зеленоглазое такси», штуки три магазинчиков. Торговая фирма: скупает у местных фермеров свинину и кур, поставляет их москвичам. Винзаводик наш убыточный выкупил, хочет шампанское выпускать. К этому сезону приготовил новинку: первый в Суджукe супермаркет. Все как у больших: открытый доступ, тележки, ассортимент, штрихкоды... Так знаешь, какие убытки несет? Народец-то у нас ушлый, все тырят. Вчера я как раз в хронике писал: мужик пытался вынести из супермаркета молочного поросенка весом три кэгэ.

– Куда ж он его засунул? По такой-то жаре? – не удержалась от ухмылки Варя.

Кир улыбнулся в ответ:

– Куда ты подумала – туда и засунул... Охранники, наверное, такому богатству позавидовали – вот решили проверить.

– Надо видеокамеры ставить. И защитки – хотя бы на крупный товар, – констатировала Варя.

– Смола по этому поводу пресс-конференцию давал, перед открытием супермаркета, – кивнул Кирилл. – Я на ней был, как раз спрашивал, как он планирует бороться с хищениями. Он знаешь что ответил? – Кирилл быстро полистал кондуитик и процитировал: – *«На честность населения я, конечно, не надеюсь и в будущем, безусловно, планирую оснастить супермаркет самыми современными средствами защиты. А сейчас, на стадии становления магазина, всецело надеюсь на штат высококвалифицированных охранников»*. Он, кстати, на этом деле – в смысле на охране – помешан. Один в город никогда не выходит, всегда с бугаями. И еще – машина сопровождения. Это у нас-то, в Суджукe!

– Ну и как, покушались на него? – серьезно спросила Варя.

– Не знаю, – развел руками Кирилл. – Не слышал.

А Варя быстро подумала: «Нестыковочка какая-то получается. Что-то я не припомню, чтобы вчера ночью со Смоляковым ехали охранники. И машины сопровождения – тоже не было. На моей «девятинодевятке» возвращались...»

Но Кононова совсем не собиралась посвящать Кира в детали своего знакомства со Смоляковым. Она спросила:

– Ты говоришь, Смола – фактически владелец вашей газеты? Он как, просто деньги гребет или участвует в процессе?

– Ну, денег с нашего «Прибоя» особо много не нагребешь, – заверил ее Кирилл. – А насчет процесса... На редколлегии я его ни разу не видел, но с главным они сношаются, это точно. Вместе коньячок глушат. Ну и пиарим его, конечно, как можем: самый широкий ассортимент! Самое скоростное такси! Самый уютный в городе ресторан!

– Слушай, а кто конкретно тебе не дает писать об убийствах? Вся редколлегия или лично главный редактор?

Кирилл ухмыльнулся:

– Главный... Но говорит, что является рупором редколлегии.

– Интересно, он по своей инициативе действует или по чьему-нибудь указанию?

Кир слегка растерялся:

– Главный признал – знаешь, так, кулуарно, – что его мэр попросил зря страстей не нагнетать, пока курортники тут.

– А мэр к газете какое отношение имеет? У него тоже ваши акции есть?

– Акций, конечно, нет, но Савченко – он же хозяин города, – отвечал Кирилл. Уверенности в его голосе, правда, не было. – Так ты думаешь, это сам Смола запретил об убийствах писать? А зачем ему?

– Без понятия. Надо подумать.

– Во, блин, у тебя мозга работает, – похвалил ее Кирилл. – Я-то, дурак, даже даты убийств сопоставить не догадался...

– Ты слишком давно в этом варишься, – утешила его Варя. – У тебя уже глаз замылился. А у меня взгляд – еще свежий. Ну что, про Соленую Падь мне расскажешь? Я, правда, и сама уже кое-что узнала...

– С кем общалась? – деловито спросил Кирилл.

– С Пашуковым... Изволил допустить к телу.

– К телам убитых?! – загорелся Кир.

– Да нет, к своему телу. Жирному... Маленькое интервью дал. Ну очень маленькое... Правда, обещал и в морг сопроводить. Может быть, завтра.

– Брешет, – авторитетно сказал Кирилл. – Никогда он тебя туда не допустит.

Варя кивнула:

– Знаешь, мне тоже так показалось...

Кирилл подмигнул:

– Тут через личные связи действовать надо. Хочешь, возьму тебя в долю? У меня в морге друган работает санитаром. Сутки через трое. У него как раз завтра смена.

– Конечно, хочу, – загорелась Варя.

– Только тебе это будет дорого стоить, – прищурился Кирилл. – Мой друган предпочитает текилу.

– Не вопрос. Обеспечим, – согласилась Варя.

– И идти придется ночью. После одиннадцати, когда начальников нет. Не сдрейфишь?

Варя помимо воли представила: чернильная южная ночь, гулкий кафель, полудохлые лампочки – и растерзанные трупы на мраморных столах...

– А чего мне бояться, Кирилл? Ты же меня охранять будешь.

Кир довольно хмыкнул:

– Не вопрос, охраню! Если что – всех живых и мертвецов раскидаю! Слушай, а что тебе еще Пашуков рассказал?

– В основном – общие фразы. А из ценных – единственная: оказывается, при убитых не нашли ни кошельков, ни денег.

– Едрена вошь! Неужели *он* их разодрал, а потом – по карманам шарил? Это ж какую силу воли надо иметь! – изумился Кирилл.

– А раздирать людей в клочья – силы воли не надо? – ответила вопросом на вопрос Варя. И добавила: – Я, кстати, в Абрикосово ездила, послушала, что народ говорит. Кое-кто там считает, что убийца – вообще *не человек*.

– Зверь? Инопланетянин? Чушь, – отрезал Кирилл.

А Варя подумала: «Всея ты, Кирюша, хорош, только с версиями работать не умеешь. Решил, что убийца – маньяк, и все тут. Ничего другого не приемлешь».

– Как же ты до Абrikосова добиралась? – вдруг спросил Кир. – Неужели на автобусе? Или таксистов спонсировала?

– А у меня тут машина. «Девяносто девятая». Напрокат взяла.

– Да ты что? – удивился Кирилл. – У нас в городе есть такой сервис?

– А ты не знал? Все, как за границей. На машине даже наклейка: rent-a-car.

– И нормальная тачка? Не разваливается?

– Да нет. Бегаёт резво.

– Что ж, будем иметь в виду. – Кирилл что-то черкнул в своем ежедневнике. – И тема – хорошая, может, напишу как-нибудь про эту контору, и машина твоя нам пригодится.

– Будет надо – обращайся, – улыбнулась Варя.

Кир вдруг поднял указательный палец, насторожился, повел носом... Торопливо пояснил:

– Нюхом чую – идет гроза!

– Чего? – Варя машинально взглянула за окно, на отчаянно голубое небо.

– Сейчас увидишь, – вздохнул Кирилл.

Дверь кабинета распахнулась. По унылой роже и полному параду – костюм с галстуком в такую жару! – Варя поняла, что к Кириллу пожаловал сам главный редактор.

– И долго я еще буду ждать? – визгливо и недовольно, как умеют только начальники, провозгласил он.

Кир взглянул на часы:

– Ровно тридцать четыре минуты, Михаил Ефремович. Даже – тридцать три с половиной – и материал у вас на столе.

Редактор мазнул по Варе сердитым взглядом и, не сказав больше ни слова, покинул кабинет.

«Как хорошо, что я не к нему пошла об убийствах болтать!» – порадовалась Варя.

Едва за главным закрылась дверь, Кирилл облегченно вздохнул:

– Повезло еще. При дамах – он хоть матом не орет... Ладно, хотел с тобой за знакомство по рюмочке пропустить – но, видно, придется в другой раз. Завтра в морге текилки клюкнем. Ну что, где встречаемся? Давай я к гостинице подойду. Ты же – в «Черноморской» проживаешь?

– Ага. Номер двести шесть. И мобильник мой запиши. – Варя продиктовала номер.

– Ладно. Завтра в двадцать два тридцать – я у тебя. Морг на окраине, вот твоя машина и пригодится. А если что изменится – тебе на мобилу перезвоню. Все, Варька, тикай, а то Ефремыч с меня шкуру спустит.

* * *

Варя вышла из редакции в пять часов вечера. Огорченно подумала: «Нет, без обеда не обойтись». Прямо сказать, она надеялась, что на юге – при жаре да при постоянной занятости – ей удастся легко и безболезненно отдать дань диете. По дороге сюда, в самолете, вообще планировала одними фруктами питаться. Но подлец организм перспективе сидеть на персиках с грушами не радовался. И настоятельно требовал мяса – огромную отбивную с хрустящей корочкой. Или скворчащий шашлычок. Уговоры и аутотренинг не помогали: хочется есть, и все тут. Так что придется идти у организма на поводу, а то мозги работать не будут.

«Даю тебе ровно полчаса», – проворчала Кононова *желудку*. И решительно вошла в первое же встретившееся кафе – летнюю забегаловку, расположенную у подножья гостиницы «Черноморская».

– Триста граммов шашлыку, картошку фри, салат из овощей. И побыстрее, – приказала Варя официанту.

– А на аперитив? – щегольнул знанием «высшего света» молодой человек.

– Минерал... – Варя вспомнила дурной вкус местной воды и поправилась: – Ноль пять пива. Разливного, светлого.

Она не дала официанту расписать все имеющиеся в наличии сорта:

– Тащи любое российское. Только в темпе, окей?

С неудовольствием понаблюдала, как парень, еле волоча ноги, ковыляет в сторону кухни. Подумала: «Насколько мы, москвичи, все делаем *быстрее*. И ходим – быстрее, и соображаем – быстрее. Хорошо это или плохо? Наверное, кому как. Лично мне куда лучше живется в ритме большого города. Правда, ритм этот – совсем не полезный. Зря, что ли, в столице люди болеют больше. И умирают раньше. И чаще».

Ожидая аперитив-пиво, Варя осмотрелась по сторонам. В кафешке – пустота, стайка официантов за служебным столиком мучает журнальчики со сканвордами. Посетитель, кроме нее, – единственный. Молодой, симпатичный парень. «*Пшеничный*», – тут же охарактеризовала его Варя. (Определять человека единственным ключевым словом ее научил как-то полусушняк Сергей Александрович, и Варя с удовольствием этот навык оттачивала.)

«Хорошо я придумала, метко», – похвалила себя Варвара. Парень – молодой, не старше тридцати, – обладал роскошной кучерявой шевелюрой цвета спелой пшеницы, светлым, совсем без загара лицом и трогательными коричневыми веснушками. Перед ним красовалась бутылка водки – тоже «Пшеничной».

«Интересно, во сколько ж ты пить начал?» – с сожалением подумала Варя. Сейчас – еще только полшестого, а бутылка – почти пуста. Наверняка сидит здесь не первый час. А на алкоголика – совсем не похож. И на раздолбая – втемяшилось напиться, вот и напьюсь! – тоже не походит. А официанты – волки. Могли бы додуматься – и заставить посетителя закусить чем-то плотным! Так нет: даже хлеба не принесли. Одна тарелка с солеными огурцами...

Варя не удержалась и попеняла явившемуся с пивом официанту – кивнула на *Пшеничного* с укором:

– Хоть бы закуски нормальной принесли человеку!

– Не желает! – округлил глаза официант. – Будто мы не предлагали! Нам оно тоже не надо, чтоб он нажрался и кафе все изгадил! Сама хозяйка к нему подходила, предлагала поесть – так он ее матом послал. Хочу, говорит, напиться.

Варя пожала плечами: что ж, пусть пьет, если хочется. Непонятно только, как лезет в него водка – по такой жаре. Вот пиво – это другое дело. Она с наслаждением отхлебнула глоточек и потянулась в сумку за блокнотом: пора наконец записать и систематизировать свои «достижения». Заодно достала сигареты и зажигалку. Поднимая глаза от сумки, еще раз мимолетно взглянула на *Пшеничного*. И – еле удержалась, чтобы не вздрогнуть. В глазах парнишки читалась такая боль, что у Вари даже в носу защипало.

«Так это же – Смеян! – вдруг озарило ее. – Тот самый Саша Смеян, обнаруживший трупы! Ну конечно, он! Возраст – соответствует, вид (нормальный мужик, не алкоголик) – соответствует. И то, что пьет горькую, – объяснимо. А то, что пьет именно в этом кафе, – тем более объяснимо, гостиница же рядом! Интересно, сильно ли он набрался?»

Варя сделала неловкое движение, и пачка ее сигарет сорвалась со столика, пролетела по скользкому полу, остановилась у ног *Пшеничного*. С полминуты тот тупо разглядывал пачку, еще столько же – озирался по сторонам. Наконец сфокусировался на Варе. Тяжело наклонился, поднял сигареты, направился к ее столику. По дороге его пару раз качнуло. Стоя официантов-бездельников наострилась. Кажется, намечалось бесплатное шоу.

– Д-девушка... Сигареты ваши?

«Да, пьян ты сильнее, чем мне хотелось бы», – расстроилась Варя. Она с улыбкой приняла пачку, улыбнулась, проворковала:

– Спасибо. Вы – настоящий рыцарь!

Официанты понимающе переглянулись: налицо откровенный кадрез, сейчас алкоголик бухнется за дамочкин столик, и начнется любовь-морковь. Но *Пиеничный* повел себя нестандартно. Шлепнул пачку на Варин столик и пошел себе восвояси. «Ему не до девушек», – поняла Варя и сказала вслед:

– Саша, подождите.

Пиеничный резко обернулся. Сфокусировал на Варе мутный взгляд. Пару секунд подумал. Решительно произнес:

– Я вас не знаю.

– Зато я – знаю. Вы – Александр Смеян, из Твери. Перебирайтесь сюда, нам нужно поговорить.

Варя боялась, что парень немедленно начнет выяснять: кто, мол, ты такая? Откуда знаешь меня? Почему цепляешься? Но, к счастью, Саша Смеян повел себя адекватно. Он бросил взгляд в толпу настороженных официантов и тихо пробормотал: «Спектакля вам не будет». Молча принес от своего столика водку и огурцы, предложил Варе:

– Угощайтесь. С-сказать, чтоб с-стопарь принесли?

– Спасибо, – отказалась Варя. – Я лучше пива.

Он мазнул взглядом по ее недопитой кружке:

– 3-заказать вам еще?

«Умник, – растроганно подумала Варя, – воспитанный... Надо, надо будет заставить его поест, пока окончательно не напился...»

Официанты, не дождавшись представления, разочарованно вернулись к кроссвордам. Саша с отвращением покосился на свою водку. Но все же наполнил стопку, залпом махнул, сморщился, зажевал огурцом. Варя сочувственно следила за процессом. Александр звякнул пустой емкостью о стол, оперся на локти, потребовал:

– Ну, говорите. Кто вы и что вам нужно? От меня?

Варя отметила, что заикаться Смеян перестал. Она попросила:

– Саша, вы можете послушать меня – ровно три минуты – и не перебивать?

– Это приказ? – усмешливо спросил он.

– Нет, просьба, – обезоруживающе улыбнулась Кононова. В уме она лихорадочно выстраивала очередную *легенду*. Тоже, конечно, дрянь получается, но ничего лучшего ей не придумать – тем более за минуту.

– Ну, слушаю, – поторопил ее Смеян.

Варя осторожно начала:

– Саша, вы, наверно, не знаете о том, что случилось в Медвежьем...

– В Медвежьем? – недоуменно переспросил он.

– Это лесная стоянка здесь, на побережье. Недалеко от Суджука. Дорога туда не проложена, зато есть причал. Только на яхте можно попасть. Или на моторке.

– А я какое отношение имею к этому Медвежьему? – непонимающе спросил Смеян.

Варя жестко ответила:

– Саша, вы обещали помолчать... а три минуты еще не прошли.

Он насмешливо взглянул на нее, потом на часы – но замолчал.

Кононова продолжила:

– В прошлом году в Медвежьем произошло убийство. Погибли мужчина и женщина, местные жители...

– Что, их тоже я убил? – издевательски спросил Смеян.

Варя его реплику проигнорировала и закончила фразу:

– Убитые были буквально растерзаны... голову мужчины так и не нашли. Труп смогли идентифицировать только по отпечаткам пальцев. Женщина... тело женщины тоже было в таком состоянии, что хоронить пришлось в закрытом гробу. Орудие убийства не обнаружили,

свидетелей не установили... И, на мой взгляд, это происшествие очень похоже на случай в Соленой Пади...

Варя умолкла. Напряженно ждала Сашиной реакции. Была готова к крикам, к истерике – вплоть до швыряния на пол злосчастной водочной бутылки. Однако Смеян только судорожно сглотнул. Уставился на Варвару налитыми кровью глазами. Понизив голос, проговорил:

– Ну. И что дальше?

«Молодец. Хорошо держится», – оценила Варя.

– Дальше? Дальше давайте наконец познакомимся. Меня зовут Варя Кононова. Я работаю на частное детективное агентство. Работаю недавно. Конкретно – полтора года. Дела мне пока поручают тухлые. Ищу пропавших котят, провоцирую мужей на измену... Хотя хочется, сами понимаете, большего.

Варя скосила глаза на Сашу. Тот слушал ее внимательно, без улыбки. Она продолжила:

– Еще в прошлом году в агентство поступил заказ от родственников погибших: расследовать убийство в Медвежьем. Наши сотрудники землю рыли. Местные менты, говорят, тоже старались. Однако дело так и не было раскрыто. И теперь, когда шансов на удачу практически никаких, расследование передали мне. И я подумала... подумала... – Варя тщательно разыграла смущение и робость, – в общем, я сопоставила оба убийства... узнала, что в Соленой Пади погибли ваши близкие...

– Денег у меня нет, – перебил ее Смеян. – И в услугах ваших я не нуждаюсь.

Кононова вспыхнула – разыгрывать гнев ей не пришлось:

– Мне не нужны ваши деньги. И в услужение к вам – я тоже не собираюсь. Просто прошу: помогите мне. Расскажите, что видели и что знаете. По моим данным, оба убийства чрезвычайно похожи... – она тщательно выбирала слова, – ммм, по почерку. И мы могли бы... могли бы объединить усилия и попробовать вместе доискаться до правды.

Саша внимательно посмотрел на нее... и вдруг всхлипнул. Яростно, злясь на свою слабость, смахнул слезы. Варя тактично смотрела в сторону. А Смеян осушил залпом очередную рюмку и, задыхаясь от горя или от спирта, безнадежно сказал:

– Что мне теперь эта правда... Динку-то – все равно не вернешь!

– Там была ваша девушка? – мягко поинтересовалась Варя.

– И девушка, и теща... будущая. И тесть, и Наташка... Сестра Динки... Как ее... золовка, что ли?

– Невестка, – машинально поправила Варя.

– Ей всего восемнадцать было... Никого, гады, не пощадили, – безнадежно проговорил Смеян.

– Я... я очень сочувствую вам, Саша, – робко сказала Варя. Она совсем не умела говорить слова соболезнования. Да и какими словами *соболезновать* его горю?

– Ехал, гнал через всю страну, – Саша говорил быстро, горячо и, кажется, совсем не нуждался в слушателе, – жрал по дороге абречки, раков им хотел привезти... Настроение – на все двести. Но знаешь... знаете, Варя, километра за три – я что-то почувствовал. Остановился отли... посмотреть на море... и вдруг чувствую – ясно так: с ними что-то случилось. Что-то ужасное, чего уже не исправить... И мне уже *не хотелось* проезжать эти три километра. Я уже знал: их больше нет...

К столику лениво подошел официант, изо всех сил стараясь услышать тему разговора, принялся не спеша выгружать тарелки. Варя наградила копушу уничижительным взглядом. Тот отыгрался, обратившись к Смеяну:

– Принести еще водочки?

– Пива еще принеси. Для меня, – приказала Варя и с размаху наступила на официантову ногу. Лицо халдей удержал, не скривился, но от их столика отходил в московской манере – чуть не бегом.

Варя по-хозяйски сдвинула злосчастную водку на край стола и поставила перед Смеяном тарелку с дымящимся шашлыком. Мягко сказала:

– Пожалуйста, поешь.

– Не хочу, – буркнул Смеян. Но ноздри его, Варя заметила, дернулись, вдохнули жаркий мясной аромат.

– Свининка парная, – подмигнула она. – И совсем не пережаренная, посмотри...

Она инстинктивно почувствовала: Смеян сейчас в таком состоянии, что обращаться с ним надо, как с ребенком. Сюсюкать, баюкать. И отбирать «каку» – водку.

– Не могу, – повторил Александр и потянулся к своей бутылке.

Варя ловко перехватила емкость, зажала ее в руке.

– Можешь, Саня, можешь. Сейчас поешь, потом выступишься... а завтра мы с тобой делом займемся. Надо же отомстить за твоих девчонок, согласен? А какой из тебя мститель, когда ты в таком состоянии?!

* * *

Первый магазин Саша Смеян открыл год назад. Торговая точка стоила ему миллиарда нервных клеток и целой пряди седых волос. Зато располагался магазин исключительно в шаге от набережной, с шикарным видом на реку. Саня мрачно шутил, что Волга обошла ему в целое состояние. Нелегко держать магазин, если ты не браток и не сволочь, а капитал на раскрутку получил под проценты. Поначалу приходилось быть в ответе за все. У экспедиторской «Газели» потекло масло – крепи, Саша, к своей «девятке» прицеп и гони за двести верст, в столицу, за конфетами и чипсами. Слегла с температурой бухгалтерша – топай в налоговую сам и стой перед инспекторшами дурак дураком. К продавцам – тоже особый подход нужен. Поначалу неопытный, Саша баловал их сверх меры, и обнаглевшие сотрудники то и дело уматывали то к зубному, то на примерку к портнихе. А хозяину приходилось становиться к прилавок самому.

Тогда-то он и познакомился с Динкой.

Динка всегда заходила в магазинчик в одно и то же время: ровно в шесть вечера. И покупала довольно богатый набор: вишневый йогурт, кусок пармезана и минералку без газа. Саша быстро привык и к ее покупкам, и еще больше к Динкиным серым глазам – глубоким, словно Волга весной. На редком досуге Саша даже гадал: где его покупательница служит? И почему всегда покупает одно и то же? И – недешевое?

Завидев на пороге сероглазую Динку, Саня немедленно расплывался в улыбке и кидался к холодильнику, где хранились йогурты и сыры. И, ругая себя за слабость, всегда следил, чтобы в магазинчике не истощились запасы далеко не популярного в Твери пармезана.

С месяц они просто переглядывались, здоровались и улыбались друг другу. Саша настолько привык к ежедневным визитам Динки, что даже боялся переводить их отношения в более близкую стадию. Вдруг окажется, что йогурт, минералку и сыр девушка покупает любовнику? А служит – в каком-нибудь пошлом и грубом месте вроде городской живодерни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.